

Творцы и мыслители

А.В. Шапошникова

Явление странствующего рыцаря*

К 150-летию со дня рождения В.Н. Соловьева

*И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.*

Владимир Соловьев

*Когда приблизится чаемое царство, когда забрезжит заря
Града Божьего, избранные и верные Града вспомнят о
Соловьеве как об одном из своих пророков.*

Вячеслав Иванов

*В нем была какая-то воздушность, оторванность от
всякого быта. Не из земли он вырос, не был он ни с чем
органически связан, не имел корней в почве. Он нездешний
пришелец, из миров иных, всем почти чужой, ничему и
никому не близкий кровно. По духу лишь знал он родство, а
не по плоти и крови.*

Николай Бердяев

«**Л**ет 12 назад, — писал Александр Блок, — в бесцветный петербургский день, я провожал гроб умершей. Передо мной шел большого роста худой человек в старенькой шубе, с непокрытой головой. Перепархивал редкий снег, но все было одноцветно и белесовато, как бывает только в Петербурге, а снег можно было видеть только на фоне идущей впереди фигуры; на буром воротнике шубы лежали длинные серо-стальные пряди волос. Фигура казалась силуэтом, до того она была жутко непохожа на окружающее. Рядом со мной генерал сказал соседке: “Знаете, кто эта дубина? Владимир Соловьев”. Действительно, шествие этого человека казалось диким среди кучки обыкновенных людей, трусивших за колесницею. Через несколько минут я поднял глаза: человека уже не было; он исчез как-то незаметно, — и шествие превратилось в обыкновенную похоронную процессию. <...>

* Печатается по: Шапошникова А.В. Тернистый путь красоты. М., 2001.

Во взгляде Соловьева, который он случайно остановил на мне в этот день, была бездонная синева: полная отрешенность и готовность совершить последний шаг; то был уже чистый дух: точно не живой человек, а изображение: очерк, символ, чертеж. Одиноким странник шествовал по улице города призраков в час петербургского дня, похожий на все остальные петербургские часы и дни. Он медленно ступал за неизвестным гробом в неизвестную даль, не ведая пространств и времен»¹.

Редко кому удается так точно и глубоко схватить во встречном незнакомом человеке главную его внутреннюю суть, как это сумел сделать великий русский поэт Александр Блок, — «одиноким странник», не ведающий «пространств и времен». Это была первая встреча Учителя с учеником, которая так много потом изменила в судьбе самого Блока.

Другим учеником Владимира Соловьева был Евгений Николаевич Трубецкой, который также оставил о нем свои записки.

«Кому случалось хоть раз в жизни видеть <...> Владимира Сергеевича Соловьева — тот навсегда сохранял о нем впечатление человека, совершенно непохожего на обыкновенных смертных. Уже в его наружности, в особенности в выражении его больших прекрасных глаз, поражало единственное в своем роде сочетание немощи и силы, физической беспомощности и духовной глубины.

Он был до такой степени близорук, что *не видел того, что все видели*. Прищурившись из-под густых бровей, он с трудом разглядывал близлежащие предметы. Зато, когда взор его устремлялся вдаль, он, казалось, проникал за доступную внешним чувствам поверхность вещей и видел *что-то запредельное, что для всех оставалось скрытым*. Его глаза светились какими-то внутренними лучами и глядели прямо в душу. То был взгляд человека, которого внешняя сторона действительности *сама по себе* совершенно не интересует.

Трудно представить себе выражение более прозрачное, искреннее, более соответствующее духовному облику. Всякое душевное движение отражалось в его лице с совершенно исключительной яркостью. Когда он негодовал, он становился прекрасен и грозен: в нем чувствовалась сила, наводившая страх. Когда он смеялся, его громкий заразительный смех «с неожиданными презабавными икающими высокими нотами» покрывал все голоса. <...> Когда он скучал, он был совершенно неспособен скрыть свою скуку. Он мог молчать иногда часами. И это молчание

человека, как бы совершенно отсутствующего, производило иногда гнетущее впечатление на окружающих. Одним это безучастное отношение к общему разговору казалось признаком презрения; другим — просто-напросто было жутко чувствовать себя в обществе человека из другого мира»².

Трубецкого всегда поражало присутствие в облике Соловьева того инобытия, которое было замечено Блоком в первую же его встречу с Соловьевым. Оно было настолько ярко и глубоко выражено во внутреннем мире Соловьева, что отражалось даже на его внешности, поведении и на отношении к окружающим.

«Он, живший в постоянном соприкосновении с *миром иным*, — писал Трубецкой, — обладал совершенно исключительной чувствительностью к пошлости окружающего. Эта пошлость давила его, как кошмар»³.

Трубецкой подтверждает свою мысль стихотворением самого Соловьева:

*Какой тяжелый сон! В толпе немых видений,
Теснящихся и реющих кругом,
Напрасно я ищу той благодатной тени,
Что тронула меня своим крылом.*

*Но только уступлю напору злых сомнений,
Глухой тоской и ужасом объят, —
Вновь чую над собой крыло незримой тени,
Ее слова по-прежнему звучат.*

*Какой тяжелый сон — толпа немых видений
Растет, растет и заграждает путь,
И еле слышится далекий голос тени:
Не верь мгновенному, люби и не забудь!»*

Об этом же еще одно стихотворение, написанное Соловьевым почти десять лет спустя:

*Лишь забудешься днем иль проснешься в
полночи —
Кто-то здесь... Мы вдвоём, —
Прямо в душу глядят лучезарные очи
Темной ночью и днем.*

*Тает лед, расплываются хмурые тучи,
Расцветают цветы...
И в прозрачной тиши неподвижных созвучий
Отражаешься ты.*

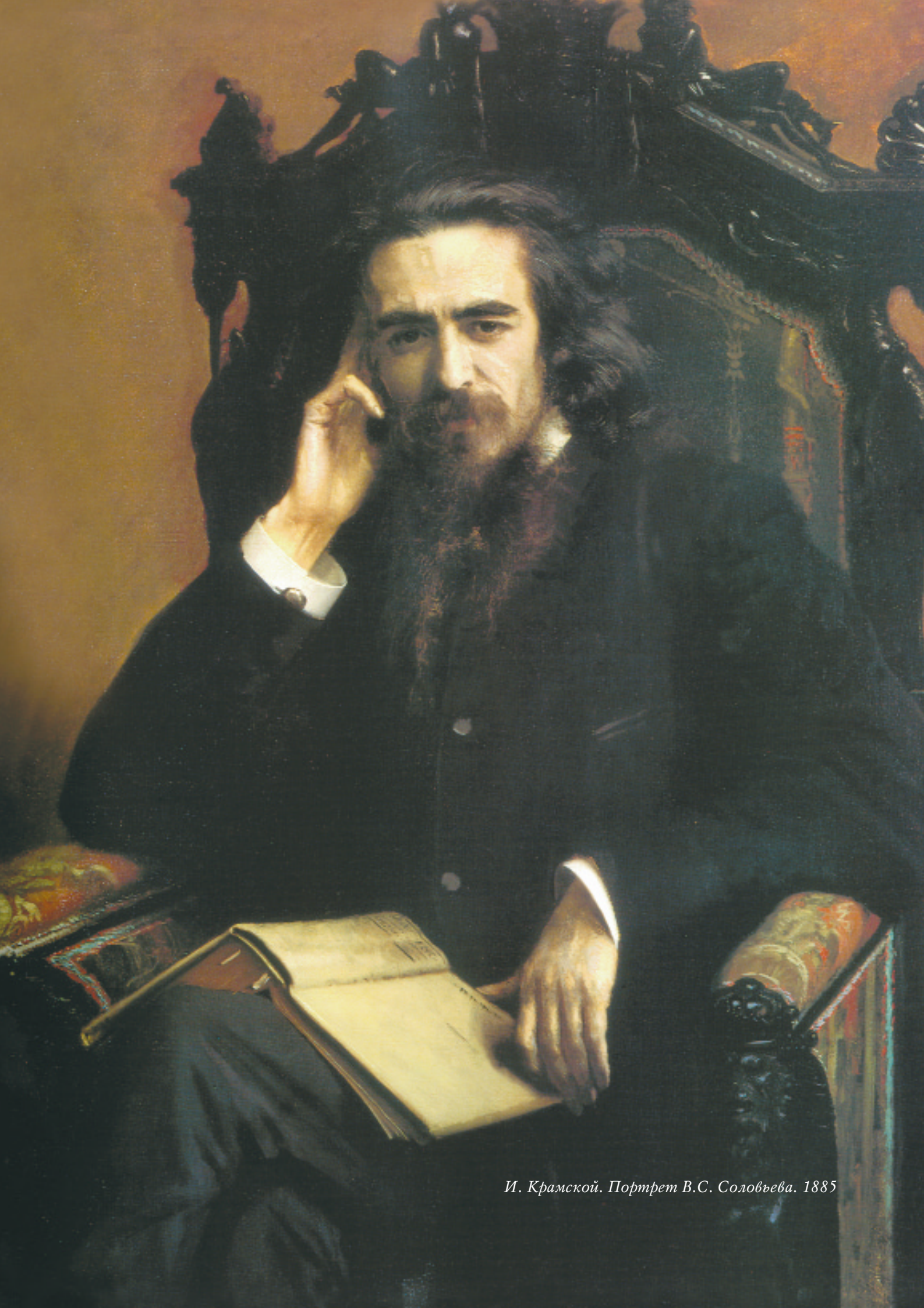
*Исчезает в душе старый грех первородный:
Сквозь зеркальную гладь
Видишь, нет и травы, змей не виден подводный,
Да и скал не видать.*

¹ О Владимире Соловьеве. Томск, 1997. С. 89.

² Там же. С. 44 — 45.

³ Там же. С. 45.

⁴ Соловьев Владимир. Избранное. СПб., 1998. С. 46.

И. Крамской. Портрет В.С. Соловьева. 1885

Только свет да вода. И в прозрачном тумане
Блещут очи одни,
И слились давно, как роса в океане,
Все житейские дни⁵.

Эмоции, которые возникают у земного человека от увиденного им во сне или во время видения, кратковременны и нередко вскоре забываются вместе с образами, представшими ему. У Соловьева все было не так. Мир иной был его миром, родным ему, его опорой, сознательную связь с которым не смогло разорвать даже пространство плотной материи. И неудивительно, что мир плотной материи был для него «тяжелым сном», населенным «толпой немых видений». Трубецкой назвал способность Соловьева уходить сознательно в свой, иной мир «горним настроением».

«Как бы то ни было, — писал он, — с этим горним настроением Соловьев должен был жить с нами среди равнины: он или возносился над нею в свободном полете вдохновения, или негодовал, боролся, обличал ее плоскость и пошлость, или же, наконец, над нею смеялся, шутил; но так или иначе, он всегда над нею возвышался. В нем было причудливое сочетание мистического философа-поэта, пророка-обличителя неправды и... балагура»⁶.

Он был выше многих не только физически (вспомните генеральское — «дубина»), но и в первую очередь духовно. Такое окружающими не прощается.

То, что в Соловьеве соединилось сознание двух миров, ставило его в ряд феноменальных явлений века. Позже Живая Этика назовет такое состояние одним из свойств грядущего Нового человека. Соловьев был предтечей будущих эволюционных изменений не только как мыслитель, но и как личность, уже несущая в себе эти изменения. Он был тем, в ком физически и духовно реализовался синтез художника, святого и философа.

В нем, в единой целостности, существовали святой, непосредственный свидетель Высшей реальности, творец-поэт, который мог сам описать увиденное и услышанное, и, наконец, мыслитель, который философски мог объяснить Инобытие и его эволюционную роль в истории человечества. Его философия складывалась не из знания, почерпнутого из книг других философов, как это бывало часто до него (и бывает до сих пор), а из собственного глубочайшего духовного опыта. Святой, поэт и философ слились в одной личности и образовали тот удивительный эволюционный сплав, который можно назвать кос-

мическим синтезом, без которого ни о новом творчестве, ни о Новом человеке и речи не может быть. В лице Соловьева эволюция представила нам все те важнейшие качества, которыми должен обладать Новый человек грядущей эпохи. Первый истинно русский философ, намного опередивший свое время, он заложил основы духовной философии Серебряного века и символистской поэзии, без которых не смогла бы состояться Духовная революция в России.

В конце XIX века Россия оказалась свидетелем явления Странствующего Рыцаря, или Культурного Героя, о котором многие народы в течение тысячелетий слагали мифы и легенды. Культурные герои появлялись в переломные моменты человеческой истории, чтобы придать ей энергетический импульс и принести в мир то, что необходимо человечеству в данный период его Космической эволюции.

«Вл. Соловьеву, — писал Александр Блок, — судила судьба в течение всей его жизни быть духовным носителем и провозвестником тех событий, которым надлежало развернуться в мире. <...>

Если Вл. Соловьев был носителем и провозвестником будущего, — а я думаю, что он был таковым, и в этом и заключается смысл той странной роли, которую он играл в русском и, отчасти, в европейском обществе, — то очевидно, что он был одержим страшной тревогой, беспокойством, способным довести до безумия»⁷.

«Вся жизнь Соловьева и все его творчество, — отмечал Н.А. Бердяев, — были устремлены к Граду Грядущему, к новой земле. <...> Явление Владимира Соловьева в нашей жизни научает нас и влечет нас за собой»⁸. И еще: «Вл. Соловьев стоит на грани новой космической религиозной эпохи. Он видит уже розовую зарю. И трагедия его жизни была трагедией космического перевала. Чувял он, как и Достоевский, как и все глашатаи русского мессианизма, что Россия стоит в центре мира, что через нее мир идет к новой космической эпохе»⁹.

Соловьев пришел в Россию в середине XIX века, чтобы сказать о предстоящих космических сдвигах. Он принес Весть о богочеловечестве и определил его место в пространстве Космической эволюции. Он указал на значение иных миров в жизни и творчестве земного человека и на их важнейшую роль в формировании последнего.

Он ушел из жизни в 1900 году, в последний год XIX века, когда перед человечеством встала альтернатива: или «Золотой свет» Соловьева, или «Врата ада» Родена.

⁵ Соловьев Владимир. Избранное. С. 180.

⁶ О Владимире Соловьеве. С. 49.

⁷ Блок Александр. Сочинения в двух томах. М., 1955. Т. 2. С. 342.

⁸ О Владимире Соловьеве. С. 116.

⁹ Там же. С. 115.

В тот же год и почти в тот же месяц ушел в небытие западный антипод Владимира Соловьева Фридрих Ницше, воспевший в своем «Заратустре» силу, избранность и высокомерие нового сверхчеловека. И если богочеловек Соловьева был прочно связан с Высшим Инобытием и был ведом им во всех областях своей творческой жизни, то сверхчеловек Ницше отрицал Бога и ошибочно полагал, что Бог — это он сам — сверхчеловек, сильный и гордый, разрушающий и творящий, возвышающийся над толпой и презирающий эту толпу. Тогда, в не столь отдаленном от нас XIX веке, два человека, никогда не встречавшиеся друг с другом, вели между собой спор по важнейшей проблеме эволюции человечества — с Богом или без Него. Богочеловек Соловьева был с Ним, сверхчеловек Ницше — без Него. Запад и Восток сошлись в философском споре, важнее которого, пожалуй, не было ничего в то время. Материалистическое мировоззрение Запада, его социологическое мироощущение, его научно-техногенная цивилизация породили сверхчеловека Ницше. Россия, находившаяся на средостении Запада и Востока, создала богочеловека, который нес в себе дыхание Высшего Инобытия и космическое мироощущение. Тогда решить этот спор было крайне трудно. В самой России среди творческой интеллигенции было немало сторонников Ницше. Но Соловьев твердо стоял на Дозоре и ни разу не прельстился песней Заратустры.

«Дурная сторона ницшеанства, — писал он в 1894 году, — бросается в глаза. Презрение к слабому и больному человечеству, языческий взгляд на силу и красоту, присвоение себе *заранее* какого-то исключительного сверхчеловеческого значения — во-первых, себе единолично, а затем, себе коллективно, как избранному меньшинству “лучших”, т. е. более сильных, более одаренных, властительных, или “господских”, натур, которым все позволено, так как их воля есть верховный закон для прочих, — вот очевидное заблуждение ницшеанства»¹⁰.

В 1889 году он пишет «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории со включением краткой “Повести об антихристе” и с приложениями». В этой повести русский философ не прямо, а как бы опосредованно полемику с Ницше, художественно и психологически исследуя феномен антихриста как одну из особенностей человеческой природы. Герой повести, постепенно отходя от Высшего начала, начинает жить «во имя свое» и в итоге приходит к отрицанию исторической роли Христа и пытается опять-таки «во имя свое» поставить себя на Его место.

«Подлинного человека, — писал несколько позже Н.А. Бердяев, — человека-микрокосма, царя природы, нет без Бога и Бого-человека. Или человек — образ и подобие Абсолютного Божественного Бытия, — тогда он свободный дух, царь и центр космоса; или человек — образ и подобие данного природного мира, — тогда нет человека, а есть лишь одно из преходящих явлений природы»¹¹.

Спор — с Богом или без Него, — шедший между двумя крупнейшими философами Планеты, Соловьевым и Ницше, продолжался весь XX век. За Соловьевым стоял «Золотой свет», за Ницше — «Врата ада». Спор не разрешен до сих пор.

Тем не менее у Соловьева и Ницше было много общего. Оба глубоко страдали от непонимания в обществе, в котором жили. Оба были одиноки, не обзавелись ни семьями, ни детьми. Ни у того, ни у другого не было собственной крыши над головой, и оба они всю недолгую свою жизнь скитались, ища приют то там, то здесь, то в одной стране, то в другой. Их почти одновременный уход, с разницей лишь в месяц, есть еще одна загадка, тайна причинно-следственных связей самой Космической эволюции.

Список трудов Соловьева значителен, так же как значителен и тот вклад в мировую культуру, которым он так щедро одарил человечество. Его культурно-философское наследие велико, до конца еще не оценено, не исследовано, его глубины таинственны и никем еще до конца не пройдены.

«Целью моих слов, — писал Александр Блок в одной из статей, посвященных памяти великого философа, — была только попытка указать то место, которое для некоторых из нас занимает сегодня память о Вл. Соловьеве. Место это еще полураскрыто в тени, не освещено еще лучами никакого дня. Это происходит потому, что не все черты нового мира определились отчетливо, что музыка его еще заглушена, что имени он еще не имеет, что третья сила далеко еще не стала равнодействующей и шестиве ее далеко не опередило величественных шествий мира сего.

Вл. Соловьев, которому при жизни “не было приюта меж двух враждебных станом”, не нашел этого приюта и до сих пор, ибо он был носителем какой-то части этой третьей силы, этого, не смотря ни на что, идущего на нас нового мира»¹².

И еще: «Все изменяется; мы стоим перед лицом нового и всемирного. Недаром в промежутке от смерти Вл. Соловьева до сегодняшнего дня мы пережили то, что другим удастся пережить за 100 лет; недаром мы видели, как в громах и молниях стихий земных и подземных новый век

¹⁰ Соловьев В.С. Сочинения. М., 1994. С. 307.

¹¹ Бердяев Николай. Философия творчества, культуры и искусства. В двух томах. М., 1994. Т. 1. С. 103 — 104.

¹² Блок Александр. Сочинения в двух томах. Т. 2. С. 346.

бросал в землю свои семена; в этом грозном свете нам промечтались и умудрили нас поздней мудростью — все века. Те из нас, кого не смыла и не искалечила страшная волна истекшего десятилетия, — с полным правом и с ясной надеждой ждут нового света от нового века.

Лучшее, что мы можем сделать в честь и память Вл. Соловьева, — это радостно вспомнить, что сущность мира — от века вневременна и внепространственна; что можно родиться второй раз и сбросить с себя цепи и пыль. <...> Сегодня многие из нас пребывают в усталости и самоубийственном отчаянии; новый мир уже стоит при дверях, завтра мы вспомним золотой свет, сверкнувший на границе двух столь несхожих веков. XIX заставил нас забыть самые имена святых, — XX, быть может, увидит их воочию. Это знамение явил нам, русским, еще неразгаданный и двоящийся перед нами — Владимир Соловьев.

*И в этот миг незримого свиданья
Нездешний свет вновь озарит тебя,
И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя»¹³.*

Соловьев, «неразгаданный и двоящийся», был первым из отряда святых странствующих Рыцарей, которым суждено было хранить Планету и всех, кто населял ее в разломный и катастрофический XX век. Ни личность Соловьева, ни значение его трудов и наследия в целом не могут быть нами правильно поняты, если мы не учтем его святости, его связи с Высшим Инобытием, не осознаем всей тяготы его существования в этом мире плотной материи. Его поэзия и философия наполнены ощущениями и мыслями этого «двоемирия» в той степени, в какой еще никому не удавалось до него.

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени*

*От незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?*

*Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привет»¹⁴.*

Или:

*Старую песню мне сердце поет,
Старые сны предо мной воскресают,
Где-то далёко цветы расцветают,
Голос волшебный звучит и зовет.*

*Чудная сказка жива предо мной,
В сказку ту снова я верю невольно...
Сердцу так сладко, и сердцу так больно...
На душу веет нездешней весной»¹⁵.*

Каждая Духовная революция, происходившая в истории человечества, была очередным, более глубоким прорывом к Инобытию. Титаническая фигура Странствующего Рыцаря Соловьева возвышается над русской Духовной революцией XX века. Он видел Невидимое и видимое, нередко — одновременно. Для него не существовало четкой границы между тем и другим. И на этой туманной линии нередко возникла плотная майя его заблуждений. Он пытался создать на земле Царство Божие. Он считал его окончательной целью Преображения Планеты и Человека. Но земные и небесные границы смешались, и Царство Божие затем превратилось во всемирное теократическое государство. Обретя определенный опыт земной жизни, он отказался и от этой идеи.

Его опыт существования в двух мирах, земном и Надземном, был тяжек, а подчас просто трагичен:

*Когда серебряные нити
Идут из сердца в область грез...
О, боги вечные! возьмите
Мой горький опыт и верните
Мне силу первых веших гроз!»¹⁶*

Или:

*Бескрылый дух, землю полоненный,
Себя забывший и забытый бог...
Один лишь сон — и, снова окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.*

*Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышимый отзвук песни неземной —
И прежний мир в немеркнувшем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.*

*Один лишь сон — и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской*

¹³ О Владимире Соловьеве. С. 94 — 95.

¹⁴ Соловьев Владимир. Избранное. С. 103.

¹⁵ Там же. С. 282.

¹⁶ Соловьев Владимир. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. СПб., 1994. С. 379.

*Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой*¹⁷.

Два мира, два сна, два пробужденья смешиваются, вместе составляя невиданное психологическое напряжение в душе поэта. Как выйти из этого круга, как отличить один мир от другого? Мир окрыленности «немеркнущего сиянья» и мир «тяжкого пробужденья». Один за другим мелькают эти миры, быстро сменяясь, как в калейдоскопе. В этом мелькании все смешивается, границы растекаются и жестокая тоска сжимает измученное сердце, откуда тянутся серебряные нити в заветное пространство, куда еще нет хода, нет освобождения от земного кошмара и земной тяжести — «Себя забывший и забытый бог...». Эволюция и инволюция сменяются на экране космоса, как вспышки света, чередующиеся с тьмой. От этого ломит глаза и тело становится неустойчивым и ненадежным. Свет — тьма, свет — тьма. По-другому не получается. Только эта быстрая смена поднимает над вечностью золотой свет, который закручивается в спираль Космической эволюции, спираль восхождения. И кажется, что серебряные нити, выходящие из его сердца, сливаются с золотым светом спирали, натягиваются, как струны, и звучат, и очаровывают своей бесконечной космической песнью...

Духовная революция приблизила Планету вплотную к Надземному Миру. Но почему человек не видит его? Почему не осознает его Красоты, его влекущих и возносящих высот? Веки человека плотно смежены. Когда они откроются, человек увидит Высший Мир, мир Красоты и иного творчества. Но увидит ли? Это беспокоило Соловьева всегда. Преображение человека должно наступить, но что сделать, чтобы веки открылись и глаза увидели, что ему, человеку, суждено. Он знал и был уверен, что без Инобытия нет продвижения по лестнице Космической эволюции. Он понимал, что осознание этого Инобытия есть главное условие дальнейшего восхождения.

*Когда душа твоя в одном увидит свете
Ложь с правдой, с благом зло,
И обоймет весь мир в одном любви привете,
Что есть и что прошло;*

*Когда узнаешь ты блаженство примиренья;
Когда твой ум поймет,
Что только в призраке ребяческого мненья
И ложь, и зло живет. —*

*Тогда наступит час — последний час творенья...
Твой свет одним лучом*

*Рассеет целый мир туманного виденья
В тяжелом сне земном:*

*Преграды рушатся, расплавлены оковы
Божественным огнем,
И утро вечное восходит к жизни новой
Во всех, и все в Одним*¹⁸.

Это одно из уникальнейших стихотворений Владимира Соловьева. В нем отражены его эволюционные идеи о Новом мире, в котором соединятся разные миры, разное время и сознание человека синтетически вместит в себя эти противоположения. И тогда восприятие его достигнет вершины своей целостности — «Во всех, и все в Одним».

Знание Соловьева носило глубоко профетичный характер. Еще в 1889 году он утверждал: «Ближайшее будущее готовит нам такие испытания, каких не знала история»¹⁹. И он оказался прав. Философ-пророк, он связывал дальнейшее эволюционное развитие и восхождение человечества с неминуемыми катастрофами, страданиями и бедами, которые обычно сопровождали очередной космический прорыв, очередной эволюционный взлет. Много позже, уже после смерти Соловьева, его ученик Е.Н. Трубецкой напишет: «Все мы так или иначе участвовали в созидании нашего земного рая, той преображенной земли, где должно царствовать преображенное человечество.

Но Россия еще не выстрадала своего просветления, не приняла еще своей последней крестной муки; а потому рухнула наша хижина, построенная из негодного, наполовину сгнившего материала.

Пусть же ее крушение откроет нам глаза на великую тайну, поведенную нам Соловьевым. Рушится все то, что не имеет безусловного основания. Уносится временем все то, что не имеет корней в сверхвременном. Но вечно пребывает Безусловное, Всеединое, и бессмертен человек, как сосуд, орудие и проводник божественного в мир»²⁰.

На этой же тайне держалось и учение Соловьева о преображенном человеке, или богочеловеке. Лишь связь человека с Высшим Божественным началом, с Инобытием дает ему возможность стать богочеловеком, иначе на короткое время он становится Заратустрой, а потом — неизвестно кем.

«Отдельные лучи и отблески божественного мира должны проникать и в нашу действительность и составлять все идеальное содержание, всю красоту и истину, которую мы в ней нахо-

¹⁷ Соловьев Владимир. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. С. 381.

¹⁸ Соловьев Владимир. Избранное. С. 12.

¹⁹ О Владимире Соловьеве. С. 86.

²⁰ Там же. С. 87 — 88.

дим»²¹. Таким божественным лучом, содержащим в себе «всю красоту и истину», явилось учение Соловьева о женском начале, «вечной женственности», Софии, или Мировой Душе. В философии Живой Этики эти понятия связаны с Матерью Мира, сложной философско-исторической категорией, имеющей важнейшее эволюционное значение. О «вечной женственности», или Софии, писали после Соловьева философы и поэты Серебряного века. Это было дуновение Космической эволюции, которое донеслось из Инобытия и с которым Соловьев соприкоснулся не умозрительно, или теоретически, а реально, начиная с самого раннего возраста, и пронес это Присутствие через всю свою жизнь. Опыт философа в этом отношении является уникальным и требует изучения и разгадки своей тайны.

«Лучезарной подруге, — писал известный философ и критик Владимир ЭРН, — посвящена не только поэзия Соловьева, ей посвящено в Соловьеве все: и гносеология, и эстетика, и публицистика, и этика. С чего ни начинается Соловьев, в какие дебри метафизики и диалектики ни заходит, как ни пылает полемическим пафосом, всегда во всех писаниях и делах его

*Одна, одна над белой землей
Горит звезда»²².*

Эта звезда помогала ему жить в жестоком и чуждом для него мире, она была его Музой и утешительницей в самые тяжелые моменты его жизни. У Соловьева есть поэма, которая называется «Три свидания». Она занимает особое место не только в его поэзии, но и в его философии. В поэме речь идет о вполне реальных событиях, много реальнее любого исторического, будь то царствование Петра I или мировая война. Первая встреча, или свидание, с Сущностью из Мира Высшего произошло у Соловьева в Москве в 1862 году, когда ему было всего лишь 9 лет.

*Пронизана лазурью золотистой,
В руке держа цветок нездешних стран,
Стояла ты с улыбкою лучистой,
Кивнула мне и скрылася в туман»²³.*

В 1875 году Соловьев, начинающий ученый, отправился в Лондон, где работал в читальном зале Британского музея. И, как ни странно, в этом малоподходящем для подобных встреч месте она, загадочная и нездешняя, вновь возникла перед ним.

*Вдруг золотой лазурью все полно,
И предо мной она сияет снова —
Одно ее лицо — оно одно»²⁴.*

Третье, и последнее, свидание Соловьева с «вечной женственностью» состоялось в Египте в следующем, 1876 году. Этому предшествовал зов: «В Египте будь!»²⁵ Для Соловьева, хорошо знавшего реальность Надземного, этого было достаточно. Но, к сожалению, для такого путешествия ему не хватало земного опыта. Совершив долгую поездку через Францию, а затем Италию, он оказался в Каире, где снял номер в отеле «Аббат». Через несколько дней он обнаружил, что там проживает несколько русских семей. Жизнь в отеле тянулась размеренно, за разговорами, до которых наши соотечественники были охочи. Время летело незаметно, деньги подходили к концу, он жил в отеле уже в кредит, а вестей от Нее все не поступало. Когда Соловьев потерял надежду, раздался Голос: «В пустыне я — иди туда за мной»²⁶. Ближайшей пустыней к Каиру была Сахара. Вряд ли обычный человек, оказавшийся в положении Соловьева, внял бы Голосу. Положение молодого русского ученого было хуже некуда. У него не было денег ни на транспорт, включая верблюда, ни на кусок хлеба в буквальном смысле этого слова. Но Соловьева это не остановило. Пришелец из другого мира, он не представлял себе, что может погибнуть в таком путешествии.

Он отправился в Сахару пешком, в обычном европейском костюме и городских ботинках. В своих беспорядочных скитаниях по пустыне, усталый и голодный, он наткнулся на кочевавших там бедуинов. Те немедленно взяли его в плен, связали и бросили на землю. Потом долго совещались. К счастью, совет кончился для Соловьева благополучно. Бедуины его отпустили:

*Подальше отвели, преблагородно
Мне руки развязали — и ушли.
Смеюсь с тобой: богам и людям сродно
Смеяться бедам, раз они прошли»²⁷.*

Но беды только начинались. Бедуины ушли, растаяв в жарком мареве Великой пустыни. Надвигалась ночь, к голоду и жажде добавился холод, который удивил скитальца — «а жарко было днем...»²⁸. Над быстро остывающей пустыней раскинулся темный полог неба с огоньками яр-

²¹ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. М., 1997. С. 148.

²² О Владимире Соловьеве. С. 124.

²³ Соловьев Владимир. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. С. 405.

²⁴ Там же. С. 406 — 407.

²⁵ Там же. С. 408.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 409

²⁸ Там же.

ких звезд. Откуда-то из темноты доносился вой шакалов. Он прилег на еще не остывший песок, стараясь уснуть или хотя бы забыться, но из этого ничего не вышло. Мешали холод, голод, вой шакалов и блеск разгоревшихся в ночи звезд — «Сверкают звезды беспощадно ясно»²⁹. В этом было что-то странное, что-то совсем нездешнее. Он впал в тревожную дремоту.

*И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!»
И я уснул; когда ж проснулся чутко —
Дышали розами земля и неба круг.*

*И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня,
Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.*

*Что есть, что было, что грядет вовеки —
Все обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.*

*Все видел я, и все одно лишь было —
Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, —
Передо мной, во мне — одна лишь ты.*

*О лучезарная! Тобой я не обманут:
И всю тебя в пустыне увидал...
В моей душе же розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.*

*Один лишь миг! Видение сокрылось —
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон»³⁰.*

Потом он шел весь день, держа путь на запад — к Нилу, древней реке, на которой стоял современный Каир. Холод ушел, но голод, несмотря на одушевление, охватившее Соловьева, по-прежнему мучил его. Земля брала свое. За несколько дней блужданий по пустыне ботинки его развалились и ноги были стерты в кровь. Но, несмотря ни на что, к вечеру он пришел в город и с большим трудом добрался до своего отеля.

*Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вешества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье Божества»³¹.*

Поэма была написана в сентябре 1898 года, двадцать два года спустя после происшедшего. Все это время Соловьев бережно хранил свою тайну, все глубже и глубже осмысливая ее истинную суть.

Учение Соловьева о женском космическом начале было связано в его представлении с грядущим Преображением человека через Красоту, через новое инобытийное творчество, через осознание космической роли женского начала.

Слово «теургия» пришло в Духовную революцию со страниц произведений Владимира Соловьева. «Соловьев определил истинное искусство как служение теургическое»³², — отмечал Вячеслав Иванов.

Философ помнил свои прежние воплощения, и они время от времени неожиданно выплескивались на бумагу.

*И смутно видятся чертоги,
Где солнца жрец меня учил,
И размалеванные боги,
И голубой златистый Нил.
И слышу глухо стоны братий,
Насмешки злобных палачей,
И шепот сдавленных проклятий,
И крики брошенных детей...»³³*

«Мотивы рациональные и иррациональные таинственно переплетаются в личности Соловьева»³⁴, — писал Н.А. Бердяев.

Воспоминания Е.Н. Трубецкого о Владимире Соловьеве, его Учителе и друге, дают достаточно реальное представление о человеческих качествах, характере и устремлениях великого русского философа.

Будучи несемейным и бездетным человеком, он тем не менее притягивал к себе детей. «Густые локоны, спускавшиеся до плеч, делали его похожим на икону. <...> Маленькие дети, хватая его за полы шубы, восклицают: “Боженька, боженька”»³⁵. «С этой наружностью аскета, — писал Трубецкой, — резко контрастировал его звучный, громкий голос: он поражал своей неизвестно откуда шедшей мистической силой и глубиной»³⁶. «Среди философов всех веков, — продолжает Трубецкой, — трудно найти мыслителя, более проникнутого сознанием непосредственной близости к человеку области мистической, Божественной. Словно земной мир стал для него окончательно прозрачною завесой, сквозь которую он непрестанно созерцал невидимый, запре-

²⁹ Соловьев Владимир. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. С. 409.

³⁰ Там же. С. 410.

³¹ О Владимире Соловьеве. С. 177.

³² Иванов Вячеслав. Родное и вселенское. М., 1994. С. 345.

³³ Соловьев Владимир. Избранное. С. 60 — 61.

³⁴ О Владимире Соловьеве. С. 97.

³⁵ Там же. С. 56.

³⁶ Там же. С. 57.

дельный свет горы Фавор. Он заранее видел землю преображенную и одухотворенную»³⁷.

«Взор его, окрыленный таинственным видением, — дополняет Трубецкого Владимир Эрн, — проникает за грани истории, за все пределы греховной, земной жизни»³⁸. И еще: «Соловьев всем организмом, т. е. *духом, умом и телом одновременно*, видел *иную действительность* с ясностью, которая превосходит решительно все “интуиции” великих философов и ставит Соловьева непосредственно наряду с божественным Платоном»³⁹.

Сам же Соловьев сказал об этом следующее: «Я не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, *только в это и верю*. Клянусь четой и нечетой, с тех пор, как я стал мыслить, *тяготеющая над нами вещественность всегда представлялась мне не иначе, как некий кошмар сонного человечества, которого давит домовой...*»⁴⁰

«Как философ и поэт, — вновь свидетельствует Трубецкой, — он созерцал небесный свет в его бесчисленных здешних преломлениях и восходил, подобно Платону, от этих отражений к их первоисточнику. Когда этот свет освещал для него глубь земной действительности и делал явным скрытые в ней темные бесовские силы, он, как пророк и обличитель, метал в них небесные громы. Вне этой борьбы света с тьмой жизнь для него была бессмыслицей, шуткой»⁴¹.

Он работал и творил в отличной от других манере. «Работа мысли и воображения Соловьева, — вспоминает Трубецкой, — никогда не останавливалась; она достигала высшего своего напряжения именно в те часы, когда он, по-видимому, ничем не был занят. Он не имел обыкновения думать с пером в руке: он брался за перо только для того, чтобы записать произведение, уже раньше созревшее и окончательно сложившееся в его голове; самый же процесс творчества происходил у него или на ходу, во время прогулки или приятельской беседы, или же, наконец, в часы бессонницы, не прекращаясь даже во время сна: ему случалось просыпаться с готовым стихотворением. Поэтому для него, собственно говоря, не существовало отдыха, и всего менее он отдыхал во сне.

По собственному его признанию, которое мне приходилось от него слышать, сон был для него “как бы окном в другой мир”: во сне он нередко беседовал с умершими, видел видения — иногда вещи, пророческие, иногда фантастические, странные»⁴².

Слова «всего менее он отдыхал во сне» являются исключительно важными для понимания фе-

номена Владимира Соловьева. Обычный человек отдыхает во сне, когда перед ним проходят разнообразные сновидения, напоминающие поток ослабившегося сознания. Перед Соловьевым же Мир Тонкий предстал совсем иным — с иными задачами и другими возможностями. И этот скрытый для нас Мир осознавался Соловьевым как его главное место обитания, где он работает, размышляет и выполняет то, что ему поручено.

В нем жило не только сознание двух миров, но и всеохватывающее ощущение Вселенной, с высот которой он определял свою позицию как позицию человека, обитающего в пространстве Природы и социума нашей Планеты.

«Самое необычное в Соловьеве, — отмечал Н.А. Бердяев, — коренное, проходящее через всю его жизнь, это его чувство *вселенскости*, его универсализм. Нет в нем никакого индивидуализма, никакого партикуляризма. Всякое сектанство и отщепенство было ему противно и чуждо. Вл. Соловьев никогда не мог принадлежать ни к какой школе или партии, ни к какому направлению или кружку. Русская жизнь и мысль второй половины XIX века не знает другого столь вселенского, универсального человека, для которого всегда существовала лишь Россия, человечество, мировая душа, церковь, Бог...»⁴³

Он совершенно не воспринимал повседневной обыденности и заведенного порядка. Мощная духовная жизнь, которая клокотала в нем, не укладывалась в обычные рамки. Он был невероятно щедр, по-детски доверчив, и его было нетрудно обмануть. Материальные ценности и чувство собственности были ему абсолютно чужды. Когда у него просили деньги, «он вынимал бумажник и давал не глядя, сколько захватит рука, и это — с одинаковым доверием ко всякому просившему. Когда же у него не было денег, он снимал с себя верхнее платье»⁴⁴. Он раздавал нищим деньги и все, что в данный момент находилось при нем. Однажды, гуляя по Петербургу, вспоминает Трубецкой, «он отдал нищим все свои деньги, кошелек, пустой бумажник, носовой платок и старые ботинки»⁴⁵. Ему было очень трудно оценивать человеческие поступки, побудительные мотивы которых казались ему запутанными, не всегда отражающими реальные намерения. Нередко, переоценивая людей, он жестоко ошибался в них. «Особенно часто, — вспоминает Трубецкой, — обманывался он в женщинах. Он легко пленялся ими, совершенно не распознавая прикрытой кокетством фальши, а ино-

³⁷ О Владимире Соловьеве. С. 80.

³⁸ Там же. С. 125.

³⁹ Там же. С. 121.

⁴⁰ Там же. С. 120.

⁴¹ Там же. С. 49.

⁴² Там же. С. 57.

⁴³ Там же. С. 98 — 99.

⁴⁴ Там же. С. 51.

⁴⁵ Там же. С. 52.

гда и ничтожества. Когда же наглядные доказательства, казалось, должны были бы привести его к полному разочарованию, он все-таки утверждал, что «ее умопостигаемый характер» прекрасен, а обнаруживавшиеся недостатки — только свойства «характера эмпирического». Глядя на действительность с недостижимой для простых смертных высоты, он, понятное дело, ясно видел общую картину жизни, но сбивался в оценке отдельных явлений, и в особенности индивидуальных характеров. Его неуравновешенное, вечно работавшее воображение часто приписывало людям несуществующие положительные качества»⁴⁶.

Он был бесприютным скитальцем без определенного места жительства, или, как теперь говорят, бомжем. Странничество и неодолимая тяга к перемене мест жили в его крови. И действительно, подтверждает Трубецкой, «своим духовным и, пожалуй, даже физическим обликом он напоминал тот созданный бродячей Русью тип странника, который ищет высшего Иерусалима, а потому странствует по всему необъятному простору земли, чтит и посещает все святыни, но не останавливается надолго ни в какой *здешней* обители. В такой жизни материальные заботы не занимают много места: у странников они олицетворяются всего только небольшой котомкой за плечами»⁴⁷.

Он не мог ни войти, ни разместиться со своим духовным багажом в каком-либо определенном круге современного ему общества. Отношение к нему петербургского общества граничило с ненавистью и полным неприятием его. Генеральское слово «дубина», которое услышал Александр Блок при первой встрече с Соловьевым, полностью определяет это отношение. Общество отторгало от себя великого философа и духовного Учителя, не понимая всего значения его личности, меряя его гигантскую фигуру лишь нормами установившегося традиционного поведения.

«Он же проходил, — пишет Блок о последних годах жизни философа, — тогда уже в очевидном для зрячих *ином* образе, врезаясь в сердца своим острым, четким, нечеловеческим силуэтом. В это последнее трехлетие своей земной жизни он, кажется, определенно знал про себя положенные ему сроки; к внешнему обаянию и блеску прибавилось нечто, что его озаряло и стерегло. Исполнялся древний закон, по которому мудрая, хотя бы и обессиленная падениями и изменами жизнь, — старости возвращает юность. Издали светящаяся точка этой юности <...> как

воспоминание о стране, из которой прибыл, которую забывал в пустыне жизни, — знаменует близость смыкания круга, близость конца, но не гибели, успения, но не смерти»⁴⁸.

У таких, как Соловьев, а это единицы за всю историю человечества, смерти не бывает даже на Земле. Ибо они остаются бессмертными в памяти нашего плотного мира. И чем больше времени проходит с момента их ухода, тем все более обоснованным кажется нам их бессмертие.

«Великие творения человеческого духа, — писал один из крупных русских философов, Сергей Булгаков, в июле 1910 года, — подобны горным вершинам: их белоснежные пики поднимаются перед нами все выше и выше, чем дальше мы от них отходим. По ним мы ориентируемся в пути, они всегда остаются перед нашими глазами. Временем так же испытывается подлинное величие, как расстоянием высота гор. Мы отошли всего на 10 лет от дня кончины Соловьева, и как изменилась уже историческая перспектива, как вырос он перед нашими глазами, какое место он начинает занимать в наших душах. Взамен высокомерно-пренебрежительного незамечания — из Назарета может ли что произойти! — полного почти игнорирования его философского творчества, мы замечаем жадное всасывание, органическое усвоение основных начал его философии»⁴⁹.

Другой русский философ — Л. М. Лопатин отметил, что «Соловьев для русской философии был тем же, чем Пушкин для поэзии»⁵⁰. Вряд ли можно опровергать справедливость этой оценки. Разница состоит лишь в том, что Пушкина знают многие, Соловьева же далеко не все. Так уж сложилась судьба великого философа. В России такой случай не первый и не последний...

Владимир Сергеевич Соловьев родился 16 января 1853 года в семье одного из крупнейших русских историков С. М. Соловьева. Детство и юность будущего философа прошли в хорошо обеспеченной семье, в традиционно-стабильной обстановке, которой отличались многие дома московской интеллигенции. У него был соответствующий круг общения и развлечений. Но с самого раннего детства Соловьев резко отличался от своих сверстников, был самодостаточен и не особенно нуждался в активном общении. «...Но ко всему окружающему, — пишет его племянник С. М. Соловьев, — он относился с такой необыкновенной чуткостью и впечатлительностью, что даже неодушевленным предметам давал имена собственные»⁵¹. В нем ощущалась природ-

⁴⁶ О Владимире Соловьеве. С. 53 — 54.

⁴⁷ Там же. С. 69.

⁴⁸ Там же. С. 90.

⁴⁹ Там же. С. 5.

⁵⁰ Соловьев С. М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 380.

⁵¹ Там же. С. 29 — 30.

ная религиозность, которая быстро развивалась и только педагогической мудростью отца была введена в нормальное русло.

«...Когда в детстве, — вспоминает сам Владимир Соловьев, — мной овладело крайнее религиозное возбуждение, так что я не только решил идти в монахи, но, ввиду возможности скорого пришествия антихриста, я, чтобы приучиться заранее к мучениям за веру, стал подвергать себя всяким самоистязаниям, отец — сам человек глубоко религиозный, но чуждый исключительности, подарил мне в день именин, вместе с “житиями святых”, “Олимп”, книгу доктора Петискуса, обильно украшенную изображениями греческих богов и богинь. Эти светлые образы сразу пленили мое воображение, *расширили и смягчили мою религиозность*»⁵².

В 9 лет он впервые подрался с соперником из-за «дамы», ибо был влюбчив, страстен и воинствен. В гимназии, в которую он поступил в 1864 году, учился прекрасно и окончил ее с золотой медалью. Там же многие его качества получили свою завершенность. Он вел себя по-рыцарски по отношению к друзьям, но в их «грязных» приключениях не участвовал. Он выделялся среди гимназистов не только феноменальной памятью, начитанностью и самостоятельностью мышления, но и своей внешностью. Был высок, строен и красив, в самом лучшем смысле этого слова.

В 1869 году, шестнадцати лет от роду, он поступил в Московский университет, где занимался естественными науками и философией. Его особое внимание привлекли Спиноза, Гегель, Кант, Шопенгауэр, Шеллинг. Но в нем жили вечное беспокойство, неудовлетворенность собой и тем образованием, которое он получал в университете. Он переходил с факультета на факультет: с историко-филологического ушел на физико-математический, потом снова вернулся. Затем поступил вольнослушателем в Духовную академию, вызвав удивление своих товарищей и испуг семьи. В нем развивался какой-то внутренний кризис, росло неприятие того, чему его учили. В университете надо было выбрать что-нибудь одно. Но его высокая философская одаренность не принимала это «одно», натываясь на глухую стену дифференцированной науки. Зревшие внутри него противоречия заставляли его беспокоиться, метаться и искать чего-то более универсального, чем то, что он получал в университете. В 19 лет он был уже зрелым философом, который так и не нашел того, что искал. Восприятие окружающей действительности и людей с годами все более затруднялось, ибо по-

мимо объективных причин этому содействовали определенные качества его характера — он был эмоционален, вспыльчив, ревнив. Последнее в значительной мере влияло на его отношения с женщинами, пока он не понял, что женщины отличаются от мужчин и по своему характеру, и по душевному настрою, и по психологии. Это не слишком помогло ему в практической жизни, однако обогатило его как философа, почувавшего в женском начале ту Мировую Душу, которая занимала его всю жизнь. Это удивительное начало и пробудило в нем поэта. Позже, в 1874 году, Соловьев защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию.

Один из бывших студентов университета, П.О. Морозов, писал о защите: «Перед нами появился стройный юноша, с лицом “иконописного” типа; в рамке длинных черных волос, разделенных пробором посредине головы <...> и каким-то особенным, как нам показалось, — странным взглядом глубоких глаз, устремленных куда-то поверх публики. Он словно читал свою коротенькую вступительную речь, написанную на противоположной стене»⁵³.

Диссертация «Кризис западной философии (против позитивистов)» была смелой по тем временам, но защита ее прошла блестяще. О ней писали даже петербургские газеты. Среди других выводов диссертация молодого ученого содержала одно важное утверждение — западная рационалистическая философия заключала в себе «те самые истины, которые в форме *веры и духовного созерцания* утверждались великими теологическими учениями *Востока*»⁵⁴.

На следующий год он занял должность приват-доцента на кафедре в Московском университете. Он начал читать лекции по философии. О Соловьеве того времени сохранились воспоминания современников. Профессор В.И. Герье писал: «...я хорошо помню чарующее впечатление, которое он производил своей элегантною фигурой, красивым лицом, устремленными вдаль, несколько прищуренными темными глазами, бледностью лица и немного дрожащим голосом. Он был настоящий провозвестник Платона...»⁵⁵ Почти о том же пишет и Е.М. Поливанова, слушательница его лекций на женских курсах, у которой был роман с молодым приват-доцентом. «У Соловьева замечательно красивые сине-серые глаза, густые темные брови, красивой формы лоб и нос, густые, темные, довольно длинные и несколько выющиеся волосы; не особенно красив у него рот, главным образом из-за слишком яркой окраски губ на матово-бледном лице; но самое это лицо прекрасно и с необычайно одухо-

⁵² Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 30.

⁵³ Там же. С. 78.

⁵⁴ Там же. С. 77.

⁵⁵ Там же. С. 83.

творенным выражением, как бы не от мира сего; мне думается, такие лица должны быть у христианских мучеников. Во всем облике Соловьева разлито также выражение чрезвычайной доброты. Он очень худ и хрупок на вид»⁵⁶.

В 1875 году Московский университет отправляет его в Лондон для работы в библиотеке Британского музея и изучения литературных памятников индийской, гностической и средневековой философии. Отец, хорошо знавший своего сына, совершенно не приспособленного к практической жизни, попросил своих знакомых, живших в то время в Лондоне, приглядеть за ним. Дело в том, что Соловьев, часто увлеченный своей работой, даже забывал обедать, что крайне скверно сказывалось на его здоровье.

Наш соотечественник И.И. Янжул, работавший в той же библиотеке, нередко наблюдал за Соловьевым. «...Он сидел по соседству над какой-то книгой о Каббале с курьезными, диковинными рисунками и значками, совершенно углубленный и забывающий, что делается вокруг. Сосредоточенный, печальный взгляд, какая-то внутренняя борьба отражалась у него на лице почти постоянно. Он сидел от меня настолько близко, что я имел возможность много раз наблюдать эту картину. Когда я к нему обращался с вопросом: “Что, Владимир Сергеевич, о чем задумались?” или: “Как вам интересна ваша книга, которую вы так долго читаете? Почему вы ее не перемените?” и т.д., я получал от него такие ответы: “Я ничего... в высшей степени интересно; в одной строчке этой книги больше ума, нежели во всей европейской науке. Я очень доволен и счастлив, что нашел это издание”»⁵⁷.

В Лондоне, возможно и раньше, но больше всего в Лондоне он начал принимать информацию из Инобытия, которую записывал на французском языке. Под сообщениями стояло имя — София.

Вот некоторые из них:

«Одобряю мнение Сведенборга о ничтожестве *mentis humanae, quoad est in suo proprio*⁵⁸. Ты должен управляться безусловно влиянием свыше. Мы будем сообщать тебе посредством письма все, что ты должен делать относительно твоего дальнейшего просвещения светом духовным»⁵⁹. Или: «Поешь сегодня немного побольше. Я не хочу, чтобы ты обессилел. Дорогой мой, мы хотим подготовить тебя для великой миссии, которую ты должен исполнить. Размышляй все время о началах. Не давай доступа

мыслям отчаяния, но прогоняй также гордыню и честолюбие»⁶⁰.

В хранилищах библиотеки Британского музея лежали письма будущих Учителей Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерих, в которых были отражены те же идеи, которые волновали и Соловьева. Позже, в Лондоне, Елена Ивановна встретила первый раз своего Учителя. Там же Соловьеву явилась Та, которая вела его по жизни, оберегая и наставляя. В Лондоне писала свою «Тайную Доктрину» Елена Петровна Блаватская. Там завязывались узлы русской Тайны Космической эволюции человечества. Туда, а потом и оттуда тянулись серебряные нити Космических Иерархов, готовивших Духовную революцию России, которая сформировала новую мысль последнего века второго тысячелетия от Рождества Христова.

Именно из Лондона Соловьев отправился в 1876 году в Египет, где и состоялось третье свидание с его удивительным Учителем. Особенным был его Учитель, но и ученик был достоин своего Учителя. Он обладал рядом способностей, которые никогда не афишировал, но проявлял в нужный момент. История донесла до нас некоторые из таких фактов. В Италии он был дружен с женой известного скрипача Ауэра. Муж долгое время отсутствовал, и скучавшая по нему жена попросила Соловьева дать ей возможность услышать скрипку мужа. «Когда они остались одни, — пишет С.М. Соловьев, — Соловьев вперил в нее такой взгляд, что ей сделалось страшно. Лампа сама потухла, в воздухе явственно пронесся звук отдаленной скрипки. Лампа вновь зажглась сама собой, а измученный напряжением Соловьев упал на колени перед Н.Е. и зарыдал...»⁶¹

С момента первой длительной поездки за рубеж, где он находился несколько лет, посещая различные страны, его жизнь постепенно стала превращаться в странничество. Через 10 лет он снова оказывается в Европе. Его все время тянуло на Восток, но обстоятельства складывались так, что ему не удалось туда попасть. Египет так и остался для него единственной восточной страной. «Он подумывал, — вспоминает его племянник С.М. Соловьев, — и о путешествии в Индию, куда его призывали таинственные голоса»⁶².

Путешествия и скитания не прерывали его творческой деятельности. Выходили его труды о религии, о церкви, о духовном развитии человека.

В 1877 году он ушел из Московского университета, но вскоре был назначен членом Ученого

⁵⁶ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 84.

⁵⁷ Там же. С. 96.

⁵⁸ Человеческого ума самого по себе (лат.).

⁵⁹ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 98.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 127.

⁶² Там же. С. 130.

Комитета при Министерстве народного образования и переехал в Петербург. Службой тяготился, много работал в библиотеке и начал читать лекции о богочеловечестве, на которые стекался весь образованный Петербург.

Во время Балканской войны в нем разыгрался дух воина. Он отправился сначала в Молдавию, потом в Румынию, но судьба распорядилась так, что на поле брани он не попал.

Его все сильнее и сильнее тянуло в Гималаи. Зов Индии звучал все громче. «Я думаю, что ты непременно должен ехать в Индию. Я думаю, что ты начнешь там свое дело. Я — мудрость София». Потом ему приснился сон, который он записал во всех подробностях, ибо он показался ему весьма значительным. Запись эту нашел в его черновых бумагах, уже после его смерти, племянник Сергей Соловьев. Сон заканчивался появлением корабля, идущего в Индию. «Вот я на палубе, — записал Соловьев, — и заявляю капитану свое намерение ехать в Индию. Это отлично, говорит он, корабль едет прямо в Индию»⁶³.

Ко всему сказанному хотелось бы добавить еще одно — Елена Петровна Блаватская в то время еще была жива и находилась в прямом контакте с Учителями, с которыми позже сотрудничали Елена Ивановна и Николай Константинович Рерихи. Прямых указаний на связь Соловьева именно с этой группой Космических Иерархов у нас нет. Но поступающие «Оттуда» сообщения и записанный Соловьевым сон свидетельствуют о многом.

Отец Соловьева Сергей Михайлович умер в 1879 году. С его уходом сын лишился единственного наставника, защитника и радетеля. Смерть отца не прошла для сына бесследно. Он заболел невралгией, перешедшей в неврит. Это в значительной степени затруднило ему и без того сложную жизнь.

Соловьев никогда не был отшельником в полном смысле этого слова. Странствующий Рыцарь, он всегда занимал активную гражданскую позицию. В марте 1891 года был убит Александр II, и Соловьев потребовал от наследника, чтобы тот помиловал убийцу отца. Это стоило ему места в Министерстве народного образования. Он ушел оттуда без всякого сожаления и стал преподавать на Бестужевских курсах. Однако его публичные лекции были запрещены, и главным образом после одной из них — «Об упадке средневекового мирозерцания». Но режим слежки и запретов не остановил Соловьева. Он обвинил церковных иерархов в отклонении от православия, что, естественно, не улучшило его положения. Встреча с Софьей Петровной Хи-

трово, которую он полюбил, не принесла ему ни радости, ни счастья. Роман их продолжался почти всю его жизнь, но был бесплоден во многих отношениях. Тем не менее в немалой степени обогатил его поэтическое творчество.

Фундаментальные философские труды Соловьева, такие, как «Духовные основы жизни» и «Оправдание добра», оказали сильнейшее влияние на образованную и творческую Россию и поставили его в ряд самых выдающихся мыслителей страны. Знатор многих языков, глубочайший философ и талантливый поэт, положивший начало целому направлению символизма, он, однако, оставался официально не признанным, что в России случалось довольно часто.

Он проводил долгие дни за работой на даче под Петербургом, которую называл «Пустынькой».

«Я в Пустыньке жил почти все время, — писал он, — совершенно один, в огромном, старом, холодном доме, спал большей частью не раздеваясь в двух пальто, зато много работал, написал весьма большую главу из ветхозаветной теократии. Писал по новой методе, а именно: без всяких черновых, а прямо набело — под один локоть Библию, под другой белую бумагу и строчу»⁶⁴. К этому надо добавить, что Библия была на древнееврейском языке.

Но, несмотря на такую усиленную работу, он часто «уходил в бега», посещая иные страны или отправляясь по городам и весям самой России. Дух Странствующего Рыцаря не позволял ему долго находиться на одном месте. «Из всех мест, — писал он в письме к сестре, — на земном шаре я, конечно, предпочитаю два: Пустыньку (когда не слишком холодно) и дом Лихутина (когда не слишком музыкально). Но, увы! Окончательно фиксироваться не могу ни там, ни здесь, ибо *je suis ne sous l'astre des voyages*⁶⁵, или, говоря высоким библейским слогом, должен ходить перед Господом, что, конечно, лучше, чем ходить перед людьми на задних лапах. Малая способность к делу последнему и не позволяет мне в наши (довольно подлые) времена найти себе постоянную житейскую рамку. А может быть, это собственная натура и судьба. Не правда ли, это удивительно, что, когда мы были еще детьми, папа называл Всеволода *волком*, а меня *печенегом*»⁶⁶.

Для таких личностей, как Соловьев, не существовало в действительности «житейских рамок». Ибо никакие «житейские рамки» не в состоянии были удержать свободный дух Мыслителя и Творца.

В те годы внешность Соловьева обрела свою завершенность, и он стал походить на ветхозаветного Моисея. В 1885 году известный худож-

⁶³ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 162.

⁶⁴ Там же. С. 224.

⁶⁵ Я родился под звездой путешествий (фр.).

⁶⁶ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 225 — 226.

ник Н.М. Крамской написал его портрет. Он регулярно приходил на сеансы художника и терпеливо высидивал до конца. Ему было интересно наблюдать за чудом художественного творчества, и портрет сохранил заинтересованное выражение внимательных глаз великого философа.

И снова путешествие — сначала Гапсаль, затем Вена и Загреб. В дороге он написал предисловие к своей «Теократии», где есть такие слова: «А относительно противников этого дела мы считаем себя *in statu belli*⁶⁷ и занимаемся ими лишь постольку, поскольку они могут доставить нам военную добычу»⁶⁸.

В нем жили воин и работник. От теории он бесстрашно переходил к действию. От теократии — к объединению церквей. В первую очередь православной и католической. Когда он вернулся в Россию, церковь начала на него гонения. Публикация многих его работ была запрещена. Подобная ситуация повторится в следующем веке, когда то же самое сделает светская власть «новой» России, но тогда его уже не будет в живых.

Гонения и запреты не самым лучшим образом влияют даже на самые мужественные души. Соловьев удалился в Сергиев Посад, где в небольшой гостинице под сенью Троице-Сергиевой лавры встретил новый 1887 год. Сюда, в Лавру, где покоились мощи Великого русского святого, Великий русский философ приезжал, когда ему становилось невмозможу. Дух Сергия, витавший в монастыре, приносил ему утешение, укреплял его и ободрял. Здесь он набирался сил духовных и физических.

Затем он снова уехал в Европу, надолго задержался в Париже и осенью 1888 года возвратился в Москву.

Здесь он размышляет и пишет о новой религии — религии Святого Духа. Трудно сейчас сказать, соотносил ли он в этих размышлениях царство Святого Духа с Миром Огненным, как делал это Дмитрий Мережковский. Позже в Живой Этике Огненный Мир будет осмыслен как цель Космической эволюции человечества. Опережающая время философская мысль Соловьева беспокоила и будоражила застоявшиеся мозги и церковных иерархов, и государственных идеологов. Он отходит от церкви, что дается ему крайне нелегко. Он тяжело болеет и после выздоровления мечется между Москвой и Петербургом, зарабатывает на жизнь литературным трудом и случайными лекциями. Но во всей этой тяжелой бытийной круговерти время от времени у него возникают какие-то светлые предчувствия.

«Чувствую неожиданные и беспричинные приливы молодости, — писал он в августе 1891 года брату Михаилу, — хотя седею все больше и больше. Но седина, как сказал какой-то поэт, есть снег, под которым греется посев будущего мира»⁶⁹.

И снова его поэзия обретает второе дыхание: становится прозрачной, изысканной и легкой.

*Сказочным чем-то повеяло снова...
Ангел иль демон мне в сердце стучится?
Форму принять мое чувство боится...
О, как бессильно холодное слово!*⁷⁰

И еще:

*Слов нездешних шепот странный,
Аромат японских роз...
Фантастичный и туманный
Отголосок вешних грез*⁷¹.

Через некоторое время в аристократическом кружке Соллогубов, Трубецких, Сухотиных он увидел стройную молодую женщину с нежной кожей. Чуть косо поставленные глаза делали ее похожей на японку.

«Аромат японских роз».

Он понял, что это она. Ее звали Софья Михайловна Мартынова. Опять София.

И снова он заметался, как кочевник по широкой ковыльной степи. Петербург — Москва, Москва — Петербург, и так бесконечно. Он встречался с ней на вокзалах, полустанках, в вагонах поездов. Он понимал, что здесь тоже ничего не получится, что сказка разветится вместе с «ароматом японских роз». Но ему было жаль мечты, и он еще какое-то время пытался удержать ее. Но руки слабели, душа остывала, и сердце начинало биться все ровнее. К концу 1892 года все кончилось, чтобы никогда больше не возобновиться. Он отправляется в Швецию, затем в Шотландию и Францию. В парижском отеле он пишет стихотворение «Память», которое посвящает С.П. Хитрово. Стихотворение выстраданное, пронзительное и горькое.

*Мчи меня, память, крылом нестареющим
В милую сердцу страну.
Вижу ее на пожарище тлеющем
В сумраке зимнем одну.*

*Горькой тоскою душа разрывается,
Жизни там две сожжены,
Новое что-то вдали начинается
Вместо погибшей весны.*

⁶⁷ В состоянии войны (лат.).

⁶⁸ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 229.

⁶⁹ Там же. С. 280.

⁷⁰ Соловьев Владимир. Избранное. С. 68.

⁷¹ Там же. С. 69.

*Далее, память! Крылом тиховеющим
Образ навей мне иной...
Вижу ее на лугу зеленеющем
Светлою летней порой.*

*Солнце играет над дикою Тосною,
Берег отвесный высок...
Вижу знакомые старые сосны я,
Белый сыпучий песок...*

*Память, довольно! Вся скорбь пережитая
Вновь овладела душой,
Словно те прежние слезы пролитые
Льются воскресшей волной⁷².*

В конце 1893 года он возвращается в Петербург, а оттуда уезжает в Финляндию на озеро Сайма.

Там, на застывшем и снежном озере, стояла благодатная тишина, людей вокруг почти не было, а те, что появлялись, были неразговорчивы и молчаливы. Рядом с этим дивным по своей красоте озером у него обостряется пророческое ясновидение. Его начинает мучить предчувствие мировой катастрофы. От этого предчувствия становилось страшно, и ему казалось, что он слышит крики и стоны тех, кого убивали, и тех, кто умирал. Стараясь забыть, он работал, работал, работал... Готовил книгу «Серебряный век русской лирики», которую посвятил А.А. Фету.

*И я хочу, средь царства заблуждений,
Войти с лучом в горнило вещей снов,
Чтоб отблеском бессмертных озарений
Вновь увенчать умолкнувших певцов⁷³.*

Его тревожила судьба России. «Неужели Россия обречена на нравственную засуху, как на физическую?»⁷⁴ — спрашивал он. И снова мучительные мысли о неизбежной катастрофе возвращаются к нему. Из письма к В.Л. Величко летом 1897 года: «Ничего крупного, но:

*Есть бестолковица,
Сон уж не тот,
Что-то готовится,
Кто-то идет.*

Ты догадываешься, что под “кто-то” я разумею самого антихриста. Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хоть и неуловимым дуновением, — как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух прежде, чем увидит море»⁷⁵.

Он был выбит из своего относительного равновесия, конфликтовал с друзьями и коллегами. Весной 1898 года неожиданно для всех отправился в Египет. Пароход, на котором он плыл, натолкнулся в Пирейской гавани на берег, и его снимали с мели целых двенадцать часов. Но Соловьев благополучно прибыл к месту назначения. Его план из Египта достичь Палестины не осуществился. Кончились деньги, и занять было не у кого. Из Египта он вернулся освеженный и бодрый, но этого состояния хватило ненадолго. Работа изнуряла его, но он не мог без нее. Это все, что ему оставалось. Он начал писать «Теоретическую философию», сотрудничал с журналом «Мир искусства», в котором участвовали крупные философы, художники и поэты. Потом порвал с ним и сразу же уехал в Канны, затем в Женеву и Лозанну. Вернулся в Москву и поселился в «Славянском базаре». Поездки перестали действовать на него благотворно, а окружавшая жизнь и люди становились враждебными, а иногда просто непереносимыми. Временами казалось, что ему не хватает воздуха, что он задыхается в этом чуждом мире. Его телесная оболочка вступала в острое противоречие с тем мощным духом, который ей приходилось в себе удерживать. Бытийная неустроенность и бытовая неприспособленность усугубляли и без того тяжелые его обстоятельства. Куда бы он ни поворачивался, всюду он ощущал острые углы земной жизни, ее тяжелую разящую руку. Рядом с ним не было никого, кто мог бы защитить его и поддержать. Великий Дух, пришедший на Землю, чтобы помочь ей, оказался один на один с ее бедами, проблемами и непросветленностью.

Он вышел на бой с открытым забралом, Странствующий Рыцарь Космоса, достаточно гордый и бесстрашный, чтобы просить у кого-то помощи. И если дух его был высок, силен и нес в себе божественное начало Высшего, то его доспехи были сотворены из несовершенной земной материи и долго выдержать бой, по законам физического плотного мира, не могли. Последний раз Сергей Соловьев, его племянник, видел Владимира Соловьева весной 1900 года. «Был жаркий май, — вспоминал он. — Я кончал экзамены из 4-го класса в 5-й. Соловьев пришел к нам вечером с корректурными гранками “Повести об антихристе”. Мы решили пригласить Б.Н. Бугаева, молодого поэта, жившего в одном с нами доме Богданова, на углу Арбата и Денежного переулка. Этот поэт, теперь известный под именем Андрея Белого, был весь охвачен идеями Соловьева и только что написал мистерию в стихах об антихристе, озаглавленную “Пришед-

⁷² Соловьев Владимир. Избранное. С. 92.

⁷³ Там же. С. 150.

⁷⁴ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 331

⁷⁵ Там же.

ший”. В своей статье о Соловьеве (в книге “Арабски”) Белый дает прекрасное описание этого незабвенного вечера в мае 1900 г., когда мы все в последний раз видели Соловьева. Читая “Старец Иоанн поднялся, как белая свеча”, Соловьев сам приподнялся в кресле. Помню, как отрывисто, захлебываясь яростью, гремел его голос: “Анафема! Анафема! Анафема!” “Я написал это, чтоб высказать мой окончательный взгляд на церковный вопрос”, — сказал Соловьев, закончив чтение.

Перешли пить чай в гостиную. Соловьев сидел, сгорбившись, обложенный корректурными листами “Пасхальных писем”. Некоторые из них он читал вслух за чаем. Андрей Белый находился в экстазе. Соловьев с радостным удивлением следил за этим молодым человеком, разделявшим его идеи, которые для всех в то время казались безумием. Поднимался разговор о том, чтобы прочитать мистерию “Пришедший”. Но было уже поздно, все устали. “До осени, Борис Николаевич”, — ласково простился Соловьев с Белым⁷⁶. Но этой встрече уже не суждено было состояться.

В июне этого же года у Соловьева произошла беседа с В.Л. Величко по поводу его «Повести об Антихристе».

«— А как Вы думаете, — спросил Соловьев, — что будет мне за это?

— От кого?

— Да от заинтересованного лица! От самого! (антихриста. — Л.Ш.).

— Ну, это еще не так скоро.

— Скорее, чем Вы думаете»⁷⁷.

Соловьев оказался прав. Не прошло и двадцати лет, как пришла антихристовая расправа. Книги Соловьева были запрещены, а сам он был подвергнут хуле и поношению. Его имя было предано на родине забвению.

Предчувствиями и прозрениями в начале XX века были охвачены многие. Сергей Михайлович Соловьев, племянник философа, в декабре 1917 года, через месяц после революции, написал стихотворение «Другу Борису Бугаеву».

*Твой сон сбывается. Слышнее и слышней
Зловещий шум толпы, волнующейся глухо.
Я знаю, ты готов. Пора. Уж свист камней,
Толпою брошенных, стал явственен для слуха.
Пребудем до конца покорны небесам.
Их воля вышня на нас отяготела.
Нас люди мертвят и бросят жадным псам
Камнями острыми израненное тело.
Теперь обнимемся. Окончен трудный путь.*

*Не просим чуда мы. К чему просить о чуде?
Молитву сотворив, подставим смело грудь
Отточенных камней на нас летящей груди»⁷⁸.*

«Камнями острыми» была забита Духовная революция, а также те, кто ее начал. Многие из них покинули Россию и публиковались лишь за рубежом.

«Я чую близость времен, — вспоминает В.Л. Величко слова Соловьева, — когда христиане будут опять собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима, — быть может, менее резким способом, чем в нероновские дни, но более тонким и жестоким: ложью, насмешкой, подделками, да мало ли еще чем! Разве ты не видишь, кто надвигается? Я вижу, давно вижу!»⁷⁹

Последний раз Величко и Соловьев виделись за месяц до его ухода из жизни.

«Он был явно болен, — пишет Величко, — и сознавал это. Он был грустен, задумчив, говорил о религии, об антихристе; несколько раз за этот вечер он то выражал сомнение в возможности успеть сделать то или иное, то спрашивал немного дрожащим голосом, словно желая получить успокоительный утвердительный ответ: “Ведь мы же увидимся! Ведь не в последний раз мы увидимся?!”»⁸⁰

Несмотря на плохое состояние здоровья, он отправился в странничество по России. Затем вернулся в Пустыньку и написал свои последние стихи о белых колокольчиках.

*В грозные, знойные
Летние дни —
Белые, стройные
Те же они.*

*Призраки вешние
Пусть сожжены, —
Здесь вы, нездешние,
Верные сны.*

*Зло пережитое
Тонет в крови, —
Всходит омытое
Солнце любви.*

*Замыслы смелые
В сердце больном, —
Ангелы белые
Встали кругом.*

*Стройно-воздушные
Те же они —*

⁷⁶ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 370.

⁷⁷ Там же. С. 371.

⁷⁸ Там же. С. 386.

⁷⁹ Там же. С. 371 — 372.

⁸⁰ Там же. С. 372.

*В тяжкие, душевные,
Грозные дни*⁸¹.

С точки зрения поэзии, ее образов, ее стилистики, стихи совершенны. Духовная наполненность сделала их прозрачными, нездешними. Предчувствие, заключенное в них, свидетельствует о пушкинской светлой печали и надежде на освобождение:

*Ангелы белые
Встали кругом.*

И все же казалось, что ничто пока в его жизни не предвещало ни рокового исхода, ни особых потрясений. Тогда никто не мог предположить, что и умрет он вскоре под чужой, хотя и гостеприимной крышей в подмосковном имении Трубецких «Узкое». Воспоминания Сергея Николаевича Трубецкого, брата Евгения Николаевича, об этом времени ярки, драматичны и глубоко человечны.

«Выехал он, — писал Сергей Николаевич, — совершенно здоровый из с. Пустыньки, но уже по приезде в Москву почувствовал себя нездоровым. 15-го утром, в день своих именин, он был в редакции “Вопросов философии”, где оставался довольно долго и послал рассыльного переговорить со мной по телефону. Я звал его к себе, в подмосковную моего брата, с. Узкое, и предложил ему ехать из Москвы с Н.В. Давыдовым, его хорошим знакомым и моим родственником, которого я ждал к обеду. В редакции Владимир Сергеевич не производил впечатление больного. Был разговорчив и даже написал юмористическое стихотворение. Из редакции он отправился к своему другу А.Г. Петровскому, которого он поразил своим дурным видом, а от него уже совсем больной прибыл на квартиру Н.В. Давыдова. Не заставши его дома, он вошел и лег на диван, страдая сильной головной болью и рвотой. Через несколько времени Н.В. Давыдов вернулся домой и был очень встревожен состоянием В.С., объявившего ему, что едет с ним ко мне в Узкое. Он несколько раз пытался отговорить его от этой поездки, предлагал ему остаться у себя, но В.С. решительно настаивал. “Этот вопрос принципиально решенный, — сказал он, — и не терпящий изменения. Я еду, и если Вы не поедете со мной, то поеду один, а тогда хуже будет”. Н.В. Давыдов спрашивал меня по телефону, и я, думая, что у Соловьева простая мигрень, советовал предоставить ему делать, как он хочет. Прошло несколько часов, в продолжение которых больной просил оставить его отлежаться. Наконец он сделал усилие, встал и потребовал, чтобы

его усадили на извозчика. Наступил вечер, погода была скверная и холодная, шел дождик, предстояло ехать 16 верст, но оставаться Соловьев не хотел. Дорогой ему стало хуже, он чувствовал дурноту и полный упадок сил, и когда он подъехал, его почти вынесли из пролетки и уложили на диван в кабинете моего брата, где он пролежал сутки не раздеваясь.

На другой день, 16-го, был вызван доктор А.Н. Бернштейн, а 17-го приехал Н.Н. Афанасьев, который и пользовал В.С. до самой его смерти. Кроме того, его посещали московские доктора А.А. Корнилов, бывший у него три раза, профессор А.А. Остроумов, следивший за болезнью, и А.Г. Петровский. Так как Н.Н. Афанасьев должен был временно отлучиться по делам службы, то на помощь ему был приглашен А.В. Власов, ординатор профессора Черинова, находившийся при больном безотлучно.

Врачи нашли полнейшее истощение, упадок питания, сильнейший склероз артерий, цирроз почек и уремию. Ко всему этому примешался, по-видимому, и какой-то острый процесс, который послужил толчком к развитию болезни.

В последние дни температура сильно поднялась (в день смерти до 40 градусов), появились отек легких и воспаление сердца... Первые дни В.С. сильно страдал от острых болей во всех членах, особенно в почках, спине, голове и шее, которую он не мог повернуть. Затем боли несколько утихли, но осталось дурнотное чувство и мучительная слабость, на которую он жаловался. Больной бредил и сам замечал это. По-видимому, он все время отдавал себе отчет в своем положении, несмотря на крайнюю слабость. Он впадал в состояние полузабытья, но почти до конца отвечал на вопросы и при усилении мог узнавать окружающих.

Первую неделю он иногда разговаривал, особенно по общим вопросам, и даже просил, чтобы ему читали телеграммы в газетах. Его мысль работала и сохраняла ясность еще тогда, когда он с трудом мог разбираться во внешних своих восприятиях.

<...> Сидя около него, перекидывался с ним словами о великом и грозном историческом перевороте, который мы переживаем и который он давно предсказывал и предчувствовал. <...> В.С. говорил и о внешних осложнениях, о грозящей опасности панисламизма, о возможном столкновении с Западом, о безумных усилиях иных патриотов наших создать без всякой нужды очаг смуты в Финляндии под самой столицей...

<...> На второй же день он стал говорить о смерти, а 17-го он объявил, что хочет исповедаться и причаститься, “только не запасными да-

⁸¹ Соловьев Владимир. Чтения о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об Антихристе. С. 408.

рами, как умирающий, а завтра после обедни”. Потом он много молился и постоянно спрашивал, скоро ли наступит утро и когда придет священник. 18-го он исповедовался и причастился св. таин. с полным сознанием. Силы его слабели, он меньше говорил, да и окружающие старались говорить с ним возможно меньше, он продолжал молиться то вслух, читая псалмы и церковные молитвы, то тихо, осеняя себя крестом. Молился он и в сознании, и в полузабытьи. Раз он сказал моей жене: “Мешайте мне засыпать, заставляйте меня молиться за еврейский народ, мне надо за него молиться” и стал громко читать псалмы по-еврейски... Смерти он не боялся, — он боялся, что ему придется “влачить существование”, — и молился, чтобы Бог послал ему скорую смерть. 24-го числа приехала мать В.С. и его сестры. Он узнал их и обрадовался их приезду. Но силы его падали с каждым днем. 27-го ему стало как бы легче, он меньше бредил, легче поворачивался, с меньшим трудом отвечал на вопросы, но температура начала быстро повышаться, 30-го появились отечные хрипы, а 31-го в 9 1/2 вечера он тихо скончался»⁸². Это случилось в июле 1900 года.

Далее к этим горьким и печальным воспоминаниям присоединяется Сергей Михайлович Соловьев, его племянник:

«Гроб поставили в церковь. Никто даже не читал над покойником. Вечером 2 августа мы с отцом достигли наконец Узкого. О смерти Соловьева мы узнали в этот день, 2 августа, на пути из Швейцарии, купив газету на станции между Смоленском и Можайском. Двинулись мы в Россию, получив неожиданную телеграмму: “Ton frère Vladimir est malade à Moscou, chez Troubetzkoi, reviens”⁸³.

С.Н. Трубецкой встретил нас на крыльце. Он горячо сжал руку моего отца и голосом, в котором слышались слезы, сказал: “Ах, Михаил Сергеевич, как я вас ждал!” Он повел нас в церковь, снял с лица умершего мешок со льдом. Голова Соловьева, гладко остриженная, казалась неожиданно маленькой. Ничего от Моисеева величия. Мой отец пожелал остаться наедине с братом; мы вышли на церковное крыльцо, под черное августовское небо, усеянное звездами. Мы узна-

ли, что в этот день приезжала Софья Петровна и говорила о желании Соловьева быть похороненным в Пустыньке. Но сестры покойного отнеслись к Хитрово холодно...

Утром 3 августа состоялось отпевание в университетской церкви св. Татианы, той самой, где мальчику Володе при звуках Херувимской песни явилась дева, “пронизанная лазурью золотистой, с цветком нездешних стран в руке”. Москва была совсем пуста, в церкви небольшая кучка народа. В отпевании приняли участие: сакелларий Благовещенского собора Н.М. Иванцов, брат А.М. Иванцова-Платонова, молодой иеромонах Петр Зверев (теперь епископ), старый духовник Соловьевых Ф.М. Ловцов от Успенья на Могильцах. Из Петербурга приехал князь А.Д. Оболенский. Гроб украсили венками. На одном из них было написано: “Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!”

Кадила звенели, старый Федор Мартынович Ловцов плакал, утирая слезы платком с широкой красной каймой. Замороженное лицо умершего начало оттаивать, по щекам стекали капли, похожие на слезы... Похоронная процессия двинулась от университета к Новодевичьему монастырю. <...>

Вечером С.Н. Трубецкой пришел к нам и, тяжело опустившись в кресло, сказал: “Да, сегодня мы схоронили самого большого русского человека!”⁸⁴

Сергей Николаевич был прав. К этому можно добавить — великого русского человека, пророка и мыслителя, предтечу нового космического мироощущения, стоявшего у истоков российской Духовной революции. Среди участников скромной процессии, сопровождавшей Владимира Соловьева в его последний земной путь, вряд ли нашлось хотя бы несколько человек, которые осознавали бы, что провожают они в последний путь человека, который определил основные магистрали Космической эволюции не только XX века, но и XXI. До начала нового, XX века оставалось всего 5 месяцев...

⁸² Вестник Европы. 1900, сентябрь. С. 412.

⁸³ «Твой брат Владимир болен в Москве у Трубецких, возвращайся» (фр.).

⁸⁴ Соловьев С.М. Владимир Соловьев. Жизнь и творческая эволюция. С. 379 — 380.

В.И. Алексеева

Космическая утопия Циолковского

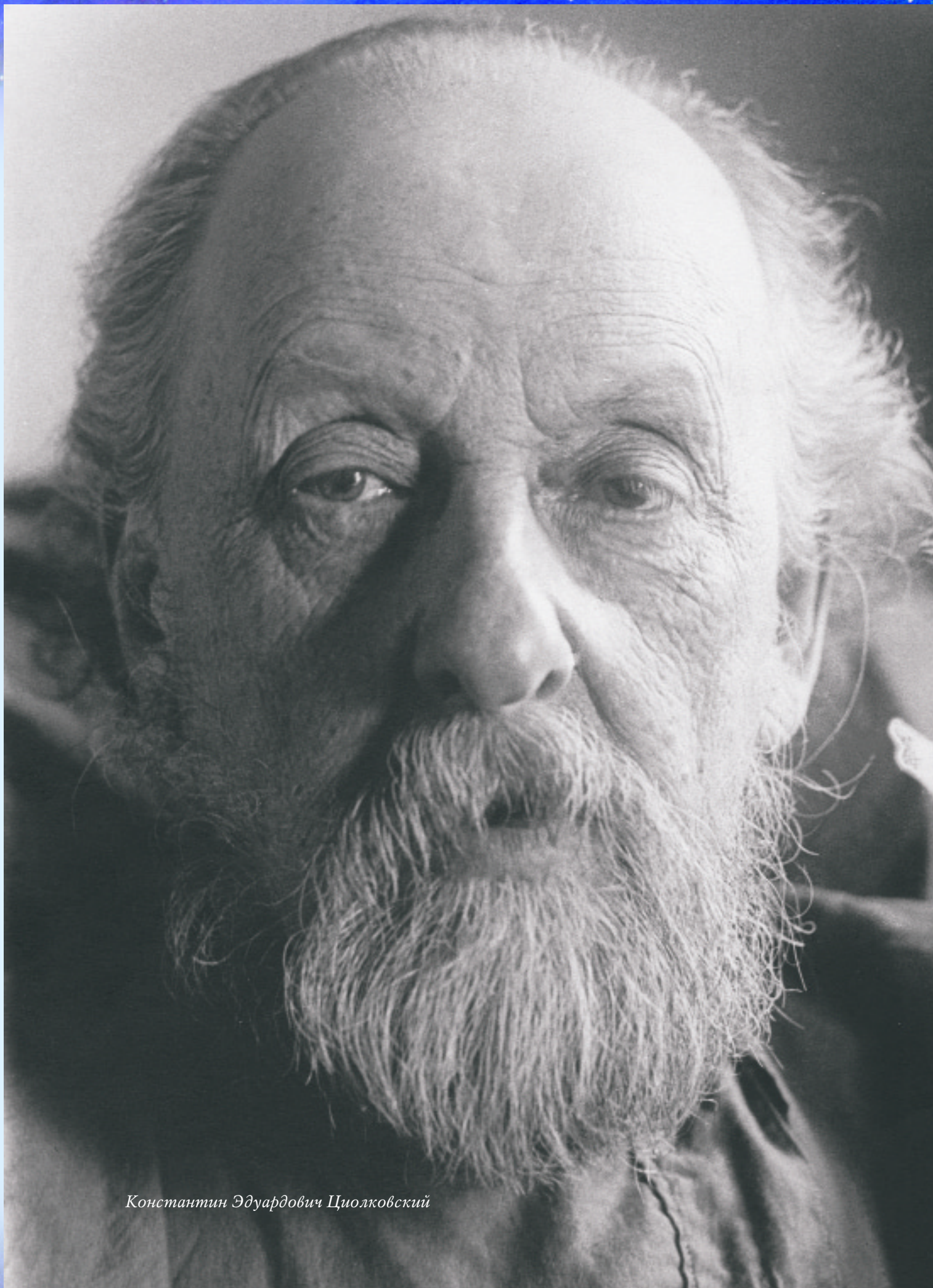
*Судьба существа зависит от судьбы Вселенной.
Поэтому всякое разумное существо должно
проникнуться историей Вселенной. Необходима такая
высшая точка зрения.*

К.Э. Циолковский. Очерки о Вселенной

Среди ученых и философов-космистов Константин Эдуардович Циолковский (1857—1935) занимает особое место. О своем рождении он писал: «...появился новый гражданин Вселенной Константин Циолковский». Этот человек обладал совершенно особым складом психики. Ему было тесно на планете Земля, он стремился в космические дали; он радовался жизни на планете, но считал ее несовершенной; он стремился использовать всевозможные энергетические ресурсы планеты, но полагал их чрезвычайно ограниченными; он считал людей несовершенными детьми совершенного космоса, нуждающимися в обретении космических просторов, космических энергий, космических нравственных качеств.

Циолковский развил учение о прогрессе человечества, который связан и с преобразованием Земли, и с расселением в космосе; со всемерным развитием науки и техники, но и с кардинальным изменением социальных отношений. Космический этап жизнедеятельности человечества начинается с преобразования, ломки Вселенной по крайней мере в масштабах Солнечной системы, с приспособления ее к потребностям человека, с философии антропокосмизма, с заботы о человеке как таковом, которому подчиняются безмерные пространства и необозримые богатства мира; а заканчивается он, по Циолковскому, преобразованием самого человека, приспособлением его организма к физическим условиям космического пространства, со становлением такого типа интеллектуального «животного космоса», которое достигает высшей степени биологического совершенства, высшей степени слияния с космосом. В этом становлении гармонии «человек космический» обретает неопределенно долгую индивидуальную жизнь, свободно существует и перемещается в пустоте космоса, как рыба в воде, как птица в воздухе, обретает высшее знание и совершенство, уже не преобразуя космос, не подстраивая его под нужды интеллектуального существа, рожденного в условиях планеты, не превращая сам космос в человекомерный мир, но подчиняясь его универсальным законам.

В конце 1890-х годов
в Калуге

Константин Эдуардович Циолковский

Циолковский закончил рукопись, которая позволила в дальнейшем по праву считать его основоположником теоретической космонавтики и ракетодинамики. Она была впервые опубликована в 1903 г. в Санкт-Петербургском журнале «Научное обозрение» под названием «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

Немедленно принести автору славу первооткрывателя новой тематики она не могла — это была серьезная научная работа с математическими расчетами, в которой доказывалась возможность полета человека в космос на особым образом устроенной ракете. В эти годы общий уровень развития техники не был готов осуществить подобные проекты. Новинкой были первые деревянные аэропланы, только учившиеся летать, серьезные перспективы освоения воздушного океана только открывались; к идеям Циолковского общественное мнение не могло быть готово. Но зато работу оценили единицы, ставшие его приверженцами и пропагандистами.

Первую публикацию ученый заканчивал словами: «...мы почти не указали на великие перспективы в случае осуществления дела, рисующиеся нам пока еще в тумане...»¹ В последующих книгах, являющихся развитием и продолжением этой первой работы, великие перспективы обрели очертания. «Стать ногой на почву астероидов, поднять рукой камень с Луны, устроить движущиеся станции в эфирном пространстве, образовать живые кольца вокруг Земли, Луны, Солнца, наблюдать Марс на расстоянии нескольких десятков верст, спуститься на его спутники или даже на самую его поверхность — что, по-видимому, может быть сумасброднее! Однако только с момента применения реактивных приборов начнется новая, великая эра в астрономии — эпоха более пристального изучения неба»².

Заявленная ученым новая эпоха в астрономии была лишь одной небольшой гранью тех грандиозных преобразований, которые виделась ему. Казалось бы логичным, вырвавшись на просторы космоса, осваивать соседние с нами планеты, хотя бы отчасти похожие на Землю по своим физическим условиям, использовать их ресурсы. Однако чем принципиально жизнь на Луне, Марсе или Венере будет отличаться от жизни на планете Земля? Та же ограниченность ресурсов, тяготение, наличие атмосферы, которая не только дает жизнь, но и затрудняет проникновение к поверхности солнечных лучей, те же опасности — падение метеорита, естественная смерть небесного тела. Трудно и бесплодно достигать больших планет, нужно тратить энергию на торможение и посадку, а также на взлет в небесные пространства. Что мы выиграем на планетах при самых благоприятных их условиях? Одни цепи сменим на другие — земные на цепи Марса или Венеры. Кроме ничтожной доли солнечной энергии получим и безобразную силу тяжести. Нет, не любил Циолковский тех жизненных условий, в которые поместила нас природа. Он стремился стать могущественным обладателем эфира. Не случайно писал о своем космическом самочувствии, посетившем его в самом раннем детстве: «...мне представляется, вероятно ложно, что основные идеи и любовь к вечному стремлению туда — к солнцу, к освобождению от цепей тяготения, во мне заложены чуть не с рождения. По крайней мере, я отлично помню, что моей любимой мечтой в самом раннем детстве, еще до книг, было смутное сознание о среде без тяжести, где движения во все стороны совершенно свободны и безграничны и где каждому лучше, чем птице в воздухе. Откуда явились такие желания — я до сих пор не могу понять. И сказок таких нет, а я смутно верил и чувствовал, и желал именно такой среды без пут тяготения»³.

Если юного Константина не оставляла мечта об иных мирах, то Циолковский — прогнозист и фантаст приложил немало сил,

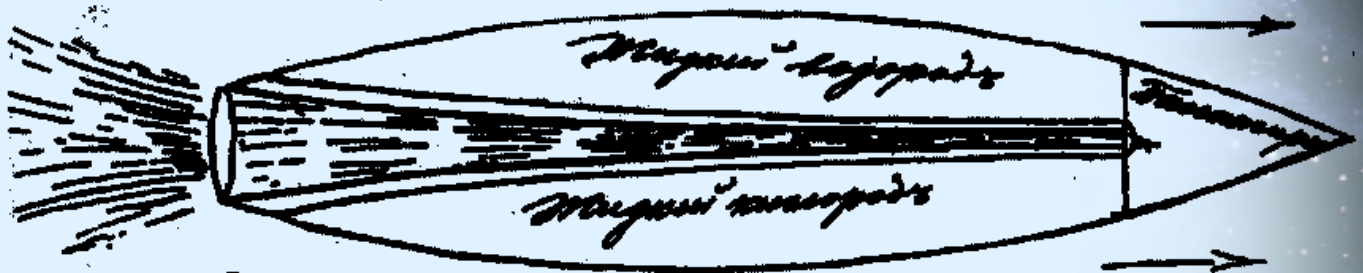
¹ Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами (1903 г.). В кн.: Циолковский К.Э. Избранные труды. М., 1962. С. 166.

² Там же.

³ Там же. С. 242.

чтобы увлечь своих современников, да и нас с вами, перспективами близкого знакомства с эффектами космоса, возможностью оказаться с ним наедине, подружиться с беспредельной бездной, мельчайшей песчинкой которого является родная планета. Вся космическая эпопея начинается с небольшой по объему рукописи «Свободное пространство» 1883 г., которая никогда не была опубликована по инициативе самого ученого, скорее всего забытая им среди великого множества других трудов. Она впервые увидела свет только в 1950-е годы, войдя в академическое собрание сочинений Циолковского в виде фрагментов. Впервые в мире в этой работе описано гипотетическое космическое жилище, расположенное в самой бездне космических просторов, в такой дали от Земли, что она уже не играет никакой роли для человека. «Вообразим железный или стальной шар, могущий выдержать давление заключенного в нем воздуха.

Черт. 1. Космический шар радиуса.

Оба конца шара радиуса r соединены цилиндрической трубкой радиуса r .
 (А) Могут быть сделаны шары и цилиндры из свинца.
 (Б) Могут быть сделаны из алюминия и окисленного железа.
 (В) Труба АВ соединена конусом от внешнего диаметра r до внутреннего диаметра r (в радиусе r).

Этот шар снабжен многими круглыми отверстиями: справа, слева, спереди, сзади — со всех сторон. Отверстия эти, служащие окнами, герметически закрыты толстыми прозрачными стеклами...⁴ Жизненные запасы позволяют экипажу отправиться к любой звезде — ведь аппарат для активного передвижения снабжен мирной пушкой — двигателем с запасом ядер. Человек начинает осваиваться в новом для себя мире, и прежде всего его взору открываются чудные картины, никогда не виданные с планеты: «Взгляните кругом — вы не увидите наше прелестное голубое или темно-синее небо в виде полушара с рассеянными кое-где светлыми облаками. Вы не увидите также наше ночное небо с мигающими, как бы живыми, звездами. Нет. Вы увидите мрачный, черный, как сажа, полный (а не полу-сферу, не свод) шар, в центре которого, вам кажется, помещены вы. Внутренняя поверхность этого шара усыпана блестящими точками, число которых бесконечно боль-

⁴ Циолковский К.Э. Свободное пространство. В кн.: Циолковский К.Э. Избранные труды. С. 19.

ше числа звезд, видимых с Земли. Каким мертвым, ужасным представляется это черное небо, блестящие звезды которого совершенно неподвижны, как золотые звезды в церковных куполах!»⁵

Человек наедине с космосом — одна из главных тем «Свободного пространства». Десятки зарисовок пребывания в самой межзвездной среде, уже вне корабля, учат действовать, приспосабливаться к невесомости, использовать ее особенности и преимущества.

«Мне пить хочется; на расстоянии 10 м от меня, ничем не поддерживаемый, висит в пространстве графин с водой. В моем жилетном кармане часы, в моих руках — клубок тонких ниток, массой которых я пренебрегаю. Свободный конец нитки я привязываю к часам и эти часы бросаю по направлению, противоположному тому, в котором я вижу графин. Часы быстро от меня уходят; клубок ниток развивается; я же сам постепенно приближаюсь к графину... Я останавливаюсь и напиваюсь воды»⁶. В новом, межзвездном быту человеку не нужны тюфяки, перины, подушки; кровати и мягкие диваны. Движение с любой скоростью незаметно для организма, нет привычных спутников быстрой езды — толчков и ударов, шума и пыли. Инерция однажды обретенного движения бесконечно, плавно и мягко влечет тебя в избранном направлении, и в этом движении сам путешественник или его космический корабль уподобляются природному экипажу — планете.

Среди написанных позже ученым научно-фантастических работ — «На Луне», «Вне Земли», «На Весте», «О небе: фантазия и действительность», «Изменение относительной тяжести на Земле», «Жизнь в межзвездной среде». Один из главных героев произведений — невесомость, но в целом повести представляют собой целый комплекс космической тематики: физика Луны и физика космоса; способы изменения относительной тяжести и ее влияние на биологическую организацию живых организмов (проще говоря, почему «луниты» не могут жить на Юпитере); мысленные путешествия в пределах Солнечной системы с особым вниманием к планетам — малюткам астероидам и пребывание вдали от небесных тел; масштабные преобразования планет для более совершенной организации жизни человека и создание полностью искусственных поселений...

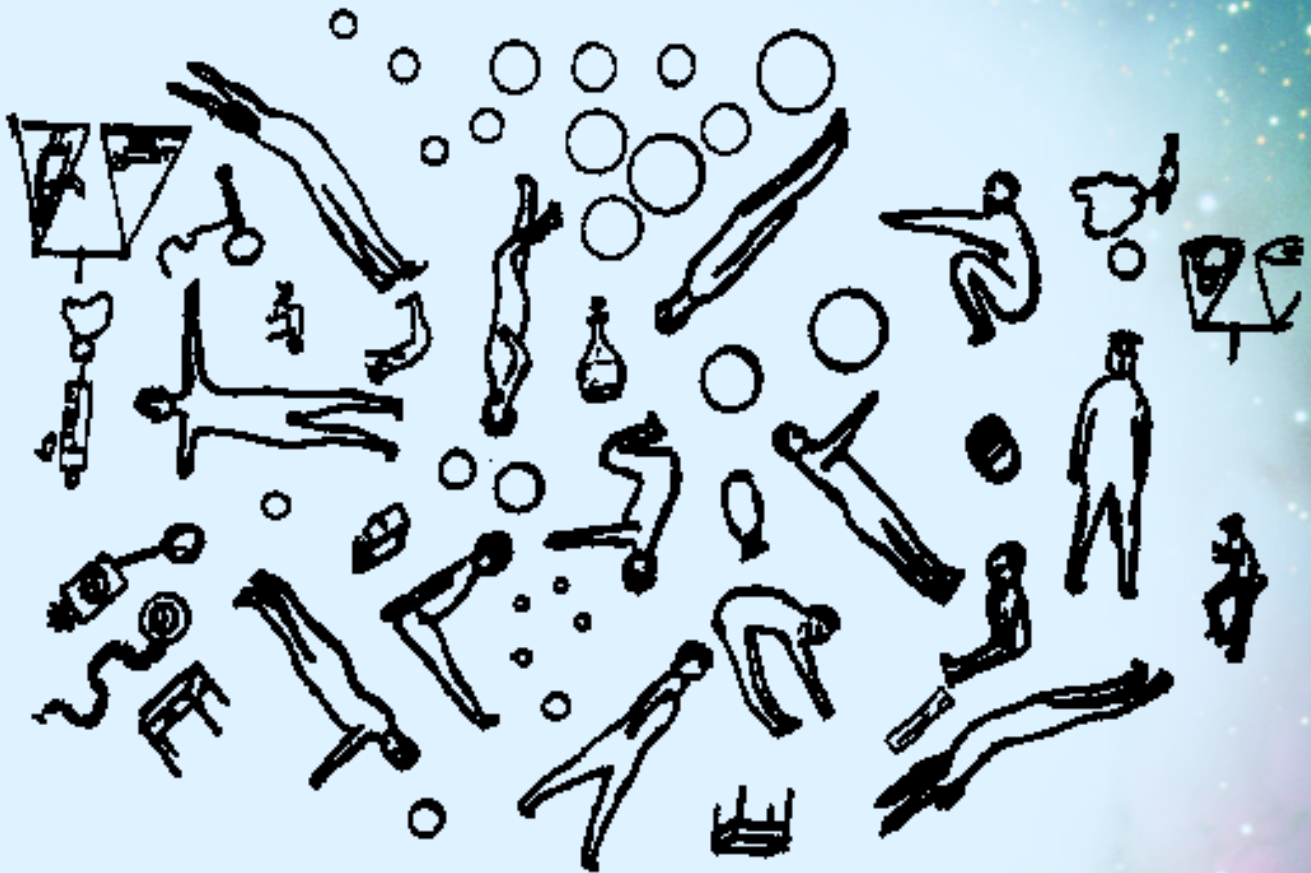
Самое крупное произведение этого ряда — «Грезы о земле и небе и эффекты всемирного тяготения», написанное в 1893 г. Это истинное любование космосом, который неизмеримо масштабнее каждого из нас по своей массе, времени и пространству. Это, по выражению самого ученого, было большое полуастрономическое, полужантованное произведение, многократно переиздававшееся в нашей стране. В книжке 1933 г. есть рисунки, иллюстрирующие, например, невесомость на Земле. Возможно ли это? Возможно! Стоит только захотеть и как следует поразмыслить. Можно изменить или совсем уничтожить кажущуюся тяжесть, то есть наш с вами вес, в свободно падающем лифте. Например, при таком падении с Эйфелевой башни мы будем парить в невесомости целых восемь секунд! Можно и просто провести мысленный эксперимент — взять, да и удалить тяжесть с планеты, сохранив все остальное.

«Вчера мы легли, как ни в чем не бывало, а сегодня проснулись в среде, свободной от тяжести... Желая достать разные вещи, одеться, мы все сдвинули, — все полетело, закружилось, застучалось, и о нас, и о стены, и друг о друга... Сюртук и шкаф плыли, красиво извиваясь и вибрируя; сапоги и чулки были в разных местах; полетишь за одним — другое запрячется в какой-нибудь закоулок, наслаждаясь там уединением... Столы, стулья, кресла, зеркала, стоявшие в воздухе, кто как хочет, совершали степенные эволюции в довольно неживописном беспорядке, но как бы задумавшись... Когда мы отталкивали докучный пред-

⁵ Циолковский К.Э. Свободное пространство. В кн.: Циолковский К.Э. Реактивные летательные аппараты. М., 1964. С. 33.

⁶ Там же. С. 47.

мет, лезший в самые глаза, задевавший по носу, щекотавший ухо, волосы, то он, с необычайной яростью, как бы злясь и мстя нам за нашу дерзость, метался как угорелый из угла в угол, ударяя нас и сталкивая другие предметы, производившие своим движением сугубый беспорядок... Карманные часы, пойманные случайно за цепочку, волочившуюся подобно змее, указали нам время и в награду были водворены в жилетный карман... Часы с маятником стояли и не приходили в действие, несмотря на все наши усилия: господин маятник отказывался качаться. Вода из графина от толчка вылилась и летала сначала в виде колебавшегося шара, а потом разбилась,

при ударах, на капли, и наконец прилипла и расплзлась по стенам»⁷. Можно представить себе, насколько точно совпали описания Циолковского с реальным опытом первых космонавтов, оказавшихся на месте его фантастических героев десятилетия спустя.

Два приятеля неожиданно проснулись... на Луне. Тяжесть стала в шесть раз меньше, сутки растянулись на целый лунный месяц, человека попеременно касаются то космический холод, то космическая жара. «Движение шагом — как это медленно! Скоро мы бросили все эти церемонии, пригодные для Земли и смешные здесь. Двигаться выучились вскачь; спускаться и подниматься стали через десять и более ступеней,

⁷ Циолковский К.Э. Грёзы о Земле и небе. М., 1959. С. 18—20.

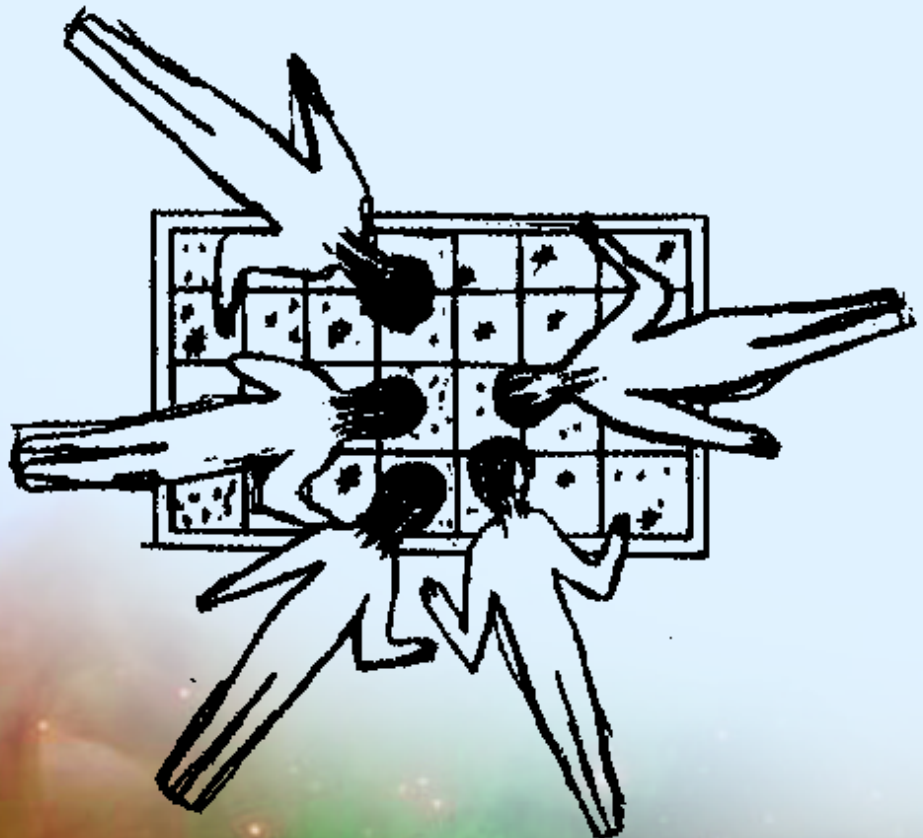
как самые отчаянные школяры; а то иной раз прямо прыгали через всю лестницу или из окна. Одним словом, сила обстоятельств заставила нас превратиться в скачущих животных вроде кузнечиков или лягушек»⁸. А что будет с кипящим самоваром, с захваченными с собой фруктами в условиях лунного мира, как приготовить пищу? «С нами был самовар с плотно привинченной крышкой, и мы частенько попивали настой китайской травки. Конечно, ставить его обыкновенным образом не приходилось, так как для горения угля и лучины необходим воздух; мы просто выносили его на солнце и обкладывали особенно накалившимися мелкими камешками. Поспевал он живо, не закипая. Горячая вода вырывалась с силой из открытого крана, побуждаемая к тому давлением пара, не уравновешенным тяжестью атмосферы. Такой чай пить было не особенно приятно — ввиду возможности жестоко обвариться, ибо вода разлеталась во все стороны, как взрываемый порох»⁹.

«Ох, уж эта привычка кушать горячее! Как с нею быть? Ведь здесь нельзя развести огонь: ни дрова, ни уголь, ни даже спички не горят! — Не употребить ли в дело Солнце? Пекут же яйца в раскаленном песке Сахары! И горшки, и кастрюли, и другие сосуды мы переделали так, чтобы крышки их плотно и крепко закрывались. Все было наполнено чем следует, по правилам кулинарного искусства, и выставлено на солнечное место в одну кучу. Затем мы собрали все бывшие в доме зеркала и поставили их таким образом, чтобы отраженный от них свет падал на горшки и кастрюли. Не прошло и часа, как мы могли уже есть хорошо сварившиеся и изжаренные кушанья»¹⁰. Читатели вместе с героями Циолковского могут проделать тот же мысленный эксперимент — таскать горы тяжестей, которые на Земле не сдвинули бы с места, делать многометровые прыжки, легко перемахнуть через забор, весело прыгать с дерева на дерево и даже спрятаться

⁸ Циолковский К.Э. На Луне. М., 1957. С. 9.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ Циолковский К.Э. Грёзы о Земле и небе. М., 1959. С. 15.

от лунной жары в погребке. Фантазия Циолковского перенесла на Луну целую усадьбу с домом, садом, забором, обычным домашним скарбом, и два Робинзона Крузо на острове Луна испытывали на прочность самих себя и свою смекалку.

На почтительном расстоянии от планет безмятежно вращается рой астероидов, предвестников космической свободы, на которых сила тяготения чрезвычайно мала. Опускаться на них, впрочем, как и «стартовать», можно одним мягким гигантским прыжком. Такую планетку чрезвычайно выгодно превратить в жилище для людей, растянув в просторный длинный цилиндр, тем самым еще уменьшив тяготение по своему желанию. Именно они — резерв полезных ископаемых, газов, материалов для строительства жилищ; именно они, превратившись в космические жилища, помогут легко и почти без энергетических затрат путешествовать по миру, обретая новые пространства, поселяясь поближе к Солнцу.

А что, если слегка удалиться в космос и взглянуть на нашу Солнечную систему со стороны? «Если положить, что Земля — горошина, то Солнце — великан-арбуз, Луна — просяное зернышко, Юпитер — яблочко побольше, Сатурн — яблочко поменьше, но с обнимающим его тонким кольцом, яблочка не касающимся; Уран и Нептун — две вишни, другие планеты и спутники — малые горошинки и зернышки; астероиды — песчинки и пылинки... Все эти яблочки, горошины, зернышки, песчинки и пылинки не только вертятся, как детские волчки, но и движутся кругом арбуза-Солнца, который относительно их почти неподвижен и лишь только вращается. Планетная система лежит как бы в одном поле, которое уносит на себе все находящиеся на нем подвижные и неподвижные предметы»¹¹. Так гипотетический великан рассматривал Солнечную систему, как будто детскую игрушку.

И вот на смену предчувствию, психологическому состоянию, популярным рассказам-прогнозам и описаниям пришли научные планы и философские обоснования. Вернемся к книге «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Последняя, четвертая книга заканчивалась знаменитым планом освоения космического пространства, который может удивить и сегодня. Его шестнадцать пунктов охватывают невообразимый по времени период — разработка конструкции ракетного крылатого самолета для первых выходов за пределы земного шара; устройство эфирных поселений вокруг Земли; основание колоний в поясе астероидов; достижение индивидуального совершенства личности и идеального общественного социалистического строя, полное использование ресурсов Солнечной системы и достижение предела, за которым неизбежно расселение по всему Млечному Пути¹².

Жизнь в самом космическом пространстве в искусственно созданных человеком эфирных городах будет иметь иное качество, и прежде всего — легкость передвижения. Управлять планетой невозможно, нельзя изменить ее орбиту по нашему желанию, нельзя продлить ее жизнь или кардинально изменить качество той жизни, которую она дает земному человечеству. Однако возможно путешествовать на более мелких, легких и подвижных снарядах — кораблях Вселенной, которые человек создаст сам, устроив эфирные города с искусственным замкнутым экологическим циклом, оранжереями, технологическими цехами, зеркалами для улавливания космической энергии. Ряд работ ученый посвятил промышленному освоению космоса, показав преимущество новых форм промышленного производства с использованием физики космоса — невесомости, больших перепадов температур, высокого вакуума, всех спектров космического излучения. Он нарисовал и первые контуры архитектуры космических жилищ и космичес-

¹¹ Циолковский К.Э. Грёзы о Земле и небе. С. 4—5.

¹² См.: Циолковский К.Э. Исследование мировых пространств реактивными приборами (переиздание работ 1903 и 1911 гг. с некоторыми изменениями и дополнениями). В кн.: Циолковский К.Э. Избранные труды. С. 326—327.

ких заводов, архитектуры невесомости.

Для создания ожерелий эфирных городов нужны строительные материалы, полезные ископаемые, почва, воздух. Планеты и астероиды, ныне представляющие для нас астрономические объекты, будут использованы как практические источники ресурсов. Астероиды разбивают взрывами, из осколков добывают полезные ископаемые — с маленькими планетоидами справиться легче всего. После надежного обоснования в пределах всей Солнечной системы последует победа над планетами — Землей, Венерой, Марсом, Меркурием. Естественных тел в планетной семье будет оставаться все меньше и меньше; на определенном этапе заселения Солнечной системы астероидов, лун, планет и их спутников не будет, останутся только Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун, ведь справиться с планетами-гигантами — задача для высокоразвитой техногенной цивилизации. Одна из зарисовок Циолковского начинается словами «Со временем Землю разберут до центра...»¹³. Первейшей целью человека ученый считал победу над лучистой энергией Солнца.

Вместо того, чтобы спорить о ничтожных клочках земли, необходимо овладевать пространством, чтобы улавливать ее как можно больше. Если из материала планеты на той же самой орбите построить кольцо эфирных поселений, эффект использования лучистой энергии будет неизмеримо большим. «Прямой интерес жителей — превратить свою планету в диск, который захватил сравнительно громадное количество солнечных лучей, давая обитателям жизнь и силу.

Кольцо это или диск, рассеиваясь в пространстве, обращался в “ожерелье”, в цепь селений без почвы, вертящихся вокруг Солнца, как обод колеса вокруг его втулки. Огромное число даже не маленьких астероидов превратились в такие обручи или “ожерелья”. В Солнечной системе они как тонкие нити тянутся вокруг светила... Эти нити отчасти управляют своим движением, расступаясь и изменяя свою скорость»¹⁴.

Диски, кольца и ожерелья были не единственным вариантом создания роя космических поселений. Если вообразить себе сферу с центром — Солнцем и поверхностью, проходящей через Землю, и заселить ее искусственными эфирными городами, то это шарообразное поселение будет полностью получать всю энергию нашего светила, то есть в два миллиарда раз больше, чем получает наша планета в настоящее время. Все эти космические города будут одинаково согреваться Солнцем так же, как освещается весной почва на земном экваторе. Так архитектура невесомости, позволяющая, по мнению Циолковского, легко выйти за пределы плоскости Солнечной системы, создаст невиданные типы сооружений, которые в перспективе полностью преобразят ее облик. Стратегии заселения космических пространств Циолковский посвятил многие работы — «Жизнь в межзвездной среде», «Цели звездоплавания», «Жизнь в космическом эфире», «Этапы промышленности в эфире или в поясе астероидов», «Ход эфирной промышленности», «Космические путешествия».

Что понесет с собой человек в просторы космоса? Возможно ли развивать только индустриальное, техническое начало, не совершенствуя других сторон жизни? Возможен ли, по Циолковскому, выход в пределы Солнечной системы современного человечества, раздираемого противоречивыми материальными интересами, борьбой наций, сословий; возможен ли для него такой сюжет, как звездные войны? Возможна ли космическая эволюция, то есть принципиально новый этап, на старой несовершенной социальной базе? Ответ на этот вопрос может

¹³ Циолковский К.Э. Со временем Землю разберут до центра... В кн.: Циолковский К.Э. Промышленное освоение космоса. М., 1989. С. 195—196.

¹⁴ Циолковский К.Э. О могуществе разума и его роли в преобразовании Вселенной, о необходимости и целесообразности освоения космического пространства. В кн.: Циолковский К.Э. Промышленное освоение космоса. С. 244.

быть только отрицательным, и дело не только в том, что у любой одной, отдельно взятой страны не хватит сил, технических ресурсов. Важен и тот нравственный заряд, который человек, выглянувший наружу из своего планетарного дома, вынесет в космос. Эстетическое восприятие этого безграничного мира вокруг нас, любование космосом, стремление подружиться с ним исключает несовершенство любого рода. Во всех работах Циолковского неявно проходит одна и та же мысль — нельзя космос «заразить» земным. В определенной степени Циолковский противопоставляет несовершенство планеты совершенному космосу; ограниченность — безграничному, скудость ресурсов — неисчерпаемым богатствам, планету со всеми ее обитателями как временное, конечное явление — вневременному космосу, в котором звезды и планеты рождаются вновь и вновь. И может быть, самое главное — этике добра Причины космоса противопоставлена отчаянно несовершенная, убогая этика человечества, разделенного на враждующие друг с другом национальные кварталы.

Мечту-утопию Циолковского об объединении лучших интеллектуальных, нравственных и научно-технических сил человечества перед лицом общей задачи — выхода в космос — выразила его научно-фантастическая повесть «Вне Земли». Написанная в 1918 г., она соединила в одно целое его общественный и научно-технический идеал. «Между величайшими отрогами Гималаев в красивом замке поселились француз, англичанин, немец, американец, итальянец и русский. <...> Страдания и размышления ослабили их чувственность и возвысили ум. Одна и та же наука их сблизила. Отличия их не были очень характерны: Ньютон был наиболее философ и глубокий мыслитель-флегматик, Франклин был с оттенком практичности и религиозности, Гельмгольц сделал множество открытий по физике, но был иногда до того рассеян, что забывал, где у него правая рука, и был скорее холерик, Галилей — восторженный астроном и страстный любитель искусств, хотя в душе и презирал почему-то эту страсть к изящному; Лаплас был по преимуществу математик, а Иванов (под этой фамилией Циолковский показал себя самого. — В.А.) был большой фантазер, хотя и с огромными познаниями; он больше всех был мыслителем и чаще других возбуждал те странные вопросы, один из которых уже обсуждался в истекший день нашим обществом»¹⁵. Именно он, Циолковский-Иванов, выдвигает проект космической ракеты, в осуществлении которого участвуют все, исследуют пределы Солнечной системы и составляют планы новых не-

¹⁵ Циолковский К.Э. Вне Земли. В кн.: Циолковский К.Э. Грёзы о Земле и небе. Тула, 1986. С. 66.

бесных экскурсий. Когорты лучших стоят во главе технического прогресса, именно они разрабатывают стратегию движения вперед для человечества как единого целого, именно они изыскивают новые ресурсы жизни, открывают новые горизонты.

Невозможно в космос вынести частные, эгоистичные, противоречивые интересы несовершенного, разделенного человечества; на этапе планетарного развития заканчиваются взаимные претензии, войны, передел ограниченных материальных ресурсов. Невозможно в космосе создавать подобие земных национальных государств с их политическими проблемами. По Циолковскому, характеристики социума должны кардинально измениться к лучшему, прежде чем нам будет доступен космос. Надо преодолеть важнейший барьер на пути своего развития, и барьер этот этический. Вселенная выковывает высшие организации из высших существ. Но что можно выковать из нас, блуждающих в нравственных потемках, ошибающихся в своих целях и задачах? Она терпеливо ждет, пока мы подрастем, чтобы принять земное человечество в ряды совершенных рас космоса.

По глубокому убеждению ученого, несовершенство разумной жизни не только не преобладает в просторах Вселенной, но даже и встречается чрезвычайно редко, и в этом плане Земля с ее нерешенными социальными проблемами является редчайшим исключением. Космос, бесконечный и безграничный, устроен так, что в нем вечно бушует и переливается лучистая энергия — источник органической жизни; на смену отжившим старым загораются новые звезды, на миллионах неизвестных нам планет пышно расцветает совершенная, мудрая жизнь; достигнув определенной степени развития, распространяется по лицу Вселенной, чтобы помогать младшим братьям. «Итак, разум и могущество высших существ, зародившихся на высших планетах, ликвидируют зачаточную жизнь на иных планетах и заселяют их своим потомством. Подобно этому огородник выпалывает на своем огороде сорные травы и сажает на нем полезные овощи... Если же космос дал, в общем, только счастье для своих существ, то можно считать его волю безукоризненной. Космос породил не зло и заблуждение, а разум и счастье всего сущего»¹⁶.

Универсальные законы разумного космоса — объединение, взаимопомощь, прогресс. Логика доказательства очень проста. Творческие силы природы бесконечны, и творит она по универсальным законам монизма, порождая везде условия для эволюции жизни. Возраст великого множества планет разнообразен. Большинство из них имеет почтенный возраст, и население таких планет — зрелое, достигшее осознания законов Вселенной. Таких же, как Земля, весьма мало, потому что возраст ее весьма малый, она только что родилась.

«Возьмем к примеру людское население Земли. Статистика показывает, что младенцев секундного возраста только один человек, минутного — 60, часового — 3600, дневного — 86 400, годового — 31 000 000. Также и для планет: чем меньше их возраст, тем меньше таких планет... Какой же вывод? Вся Вселенная полна жизни совершенных существ, которая ожидает и Землю, и другие немногие планеты незрелого возраста... Мы говорили, что возраст планет самый разнообразный, условия жизни также. Эти тысячи миллиардов планет не могут быть одинаковы — по благоприятности жизненных условий. Некоторые зародились ранее, и жизнь созрела на них прежде, чем на всех остальных. Кроме того, и условия жизни могли быть лучше, чем на остальных. Они прежде прочих планет достигли совершенства, выражающегося в высочайшем могуществе и длинной, безболезненной, счастливой жизни. Их разум открыл им, что пройденный ими путь от бактерии до совершенства, был тяжелый путь, путь тысячелетних страданий и безумия. <...> Совершенные прошли этот путь, но другие планеты его только ожидают. Зачем им мучиться? Нельзя ли избавить другие планеты от дороги мучений

¹⁶ Циолковский К.Э. Воля Вселенной. В кн.: Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. М., 1992. С. 43.

для их существ? Техническое могущество первенцев Вселенной дозволило им одолеть тяжесть своей планеты, завладеть солнечной энергиею и сделаться господами в своей планетной системе... Не обращая внимания на питомники разума, подобные земному шару, составляющие, примерно, биллионную долю всех планет, можем сказать, что Вселенная полна разумными, могущественными и счастливыми существами. Их гений и могущество заселили Вселенную, избавив ее от мук самозарождения. Эти существа подобны совершенным людям, которые произойдут от теперешнего человечества. Со временем оно организуется в сложное, прекрасное и счастливое общество, под управлением самого высшего, самого достойного из будущих людей.

Когда он сходит со сцены, то его заменяет другой такой же, лучший из всех, человек.

Каждая планета достигает счастья, совершенного общественного строя и управления высшим из всего населения. Но не путем самозарождения,— это мучительный путь, — а путем заселения и размножения уже готовых совершенных существ с других планет. Планеты управляются их верховными президентами, — своего рода планетными богами»¹⁷.

Далее следует практически бесконечная иерархия подобных объединений живых миров Вселенной. Высочайшие будут управлять всем солнечным миром, но солнечных систем в природе без числа, поэтому возникают все более крупные союзы и комбинации космических союзов. Циолковский не избегал понятия естественного отбора, однако применял его своеобразно, понимая под ним не борьбу видов и выживание сильнейшего в биологическом смысле, а отбор самой природой в ходе развития человеческого общества одаренных личностей, с сильной волей и качествами лидеров. При этом династии, стоящие во главе народов, с отрицательными нравственными качествами, со злой волей постепенно сходят с мировой сцены, чтобы уступить место гениям добра.

Собственно, и замысел развития техногенной цивилизации космического масштаба в том и состоит, чтобы население земного шара перестало не просто нуждаться в ресурсах и беспокоиться об их ограничении или прекращении, но прежде всего в том, чтобы показать ему неистощимый источник вокруг нас. Космический этап цивилизации делает невозможной, бессмысленной борьбу за ресурсы, потому что они неисчерпаемы, стоит только протянуть руку. Враждуя в международном масштабе, можно уничтожить планету как очаг жизни; выступая вместе, можно обрести миллионы таких очагов.

Самоуничтожение человечества в локальных и мировых войнах становится не просто противным нравственности, но и невыгодным. Не случайно в работе «Будущее Земли и человечества», показывая картины преобразования в общепланетных масштабах, Циолковский четко сформулировал два этапа в развитии земного человечества: экстенсивный и интенсивный, количественный и качественный. На первом этапе ширятся армии труда, идет забота о резком увеличении населения. И только на следующем, после преобразования всей планеты в «житницу», ставится цель по «обработке и шлифовке» самого человека, его образованию, воспитанию, развитию. Так крайняя рациональность и утилитаризм превращаются в этический принцип самоорганизации человечества. Враждовать, убивать, бороться за место под Солнцем в прямом и переносном смысле — невыгодно. Выгоден альтруизм, всемерная забота о ближнем и дальнем, о человеке как таковом, а возглавят это движение «гении добра». При таких научно-технических и нравственных посылах будущая общественная организация Земли не могла не рисоваться Циолковскому централизованным сообществом с единой формой управления.

«Не можем ли мы ждать не сегодня, так завтра, не завтра, так через тысячи лет единого управления над всей землей — союза народов или чего-нибудь подобно-

¹⁷ Циолковский К.Э. Научная этика. В кн.: Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. С. 127—128.

го? Ведь должно же это когда-нибудь случиться! На каждой из бесчисленных планет космоса должно в конце концов образоваться единое управление. Не век же народам уничтожать друг друга в безрассудной борьбе! Когда наступит общение планет, взаимные переселения их обитателей, небесные путешествия, колонизации — тогда и между планетами, может быть (сначала одной солнечной системы), установится порядок и единство. Будут естественным, или более разумным — искусственным подбором образованы высшие породы существ, бессмертные, совершенные, о которых теперь трудно иметь ясное представление»¹⁸.

По Циолковскому, минимальной ячейкой космического социума является объединение людей на своей планете. Только в этом случае они достойны дальнейшего продвижения вперед по пути космической эволюции; только при одном условии это возможно — представлять собой единое целое. Все несовершенное должно закончиться на уровне планеты — это некий универсальный космический закон, который не позволяет наращивать силы, власть над природой без осознания генетического родства всего населения. Следовательно, не сумев договориться о едином представительстве, об общности интересов и целей, невозможно ставить себе задачу попасть в ряды внеземных цивилизаций. На такой планете один президент, точно так же в пределах каждой солнечной системы, которая имеет своего верховного представителя в более крупном объединении космических цивилизаций. Группы солнц объединяются своим президентом, как и каждый млечный путь. Может быть, имеет объединение и Эфирный остров, собрание млечных путей (в терминологии Циолковского, одна из самых крупных единиц в структуре космоса). Слабые, неразвитые планеты, представляющие редкое исключение, не только не могут вступать в союз космической иерархии, но даже и быть предоставлены самим себе, своей печальной участи.

Книги ученого, выразившие эти мысли, были опубликованы им в 1920—1930-е годы. Это «Монизм Вселенной», «Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы», «Причина космоса», «Научная этика», «Двигатели прогресса». Они имели большой резонанс. Почитатели, просто читатели, оппоненты писали Циолковскому. Многих интересовал вопрос — почему до сих пор внеземной разум не вмешивается в нашу жизнь, чтобы оказать помощь. Он с готовностью отвечал всем и даже публиковал избранные места переписки, полемики в виде приложений к своим брошюрам. В частности, на этот вопрос он отвечал, что некоторая степень самостоятельности предоставлена планетам высшим космическим разумом, чтобы мы смогли приобрести собственный опыт тяжелого и медленного продвижения вперед, но не погибнуть.

Приводя в пример первую мировую войну, Циолковский утверждал, что силы иных миров могли бы вмешаться в земные дела и предотвратить катастрофу. Однако космос дает человеку шанс с помощью подобных катастроф извлечь уроки, найти верный путь, одуматься. Человечество так грубо, что только эти страдания могли возбудить в них отвращение к войне. Только тяжкие страдания могут служить уроком и повести к лучшему.

Однозначный ответ на вопрос, готовы ли мы сегодня, в начале нового тысячелетия, к встрече с неземным разумом, дает современный феномен научной фантастики и массовое представление обыденного сознания о неопознанных летающих объектах и инопланетянах. Бесконечные сюжеты звездных войн, космических «страшилок» — дубликатов триллеров о земных приключениях — это и есть запрограммированное в массах ожидаемое. Оно имеет несколько вариантов — изучить чужую жизнь с позиции естествоиспытателя; исследовать чужую технику в качестве технического феномена; просто уничтожить все, ни о чем не раздумывая. На лекции о Циолковском для старшеклассников я задала вопрос — какова будет ваша ре-

¹⁸ Циолковский К.Э. Первопричина. М., 1999. С. 19.

акция на внезапное появление гостей из космоса. Один из мальчиков бодро ответил: «Посажу в клетку и буду изучать». Пока человечество психологически не готово понимать и уважать жизнь своего ближнего окружения, пока в нравственном сознании не заработало золотое правило нравственности (относись к другому так, как хочешь, чтобы относились к тебе), до тех пор, по Циолковскому, не появятся на нашем горизонте обитатели иных миров.

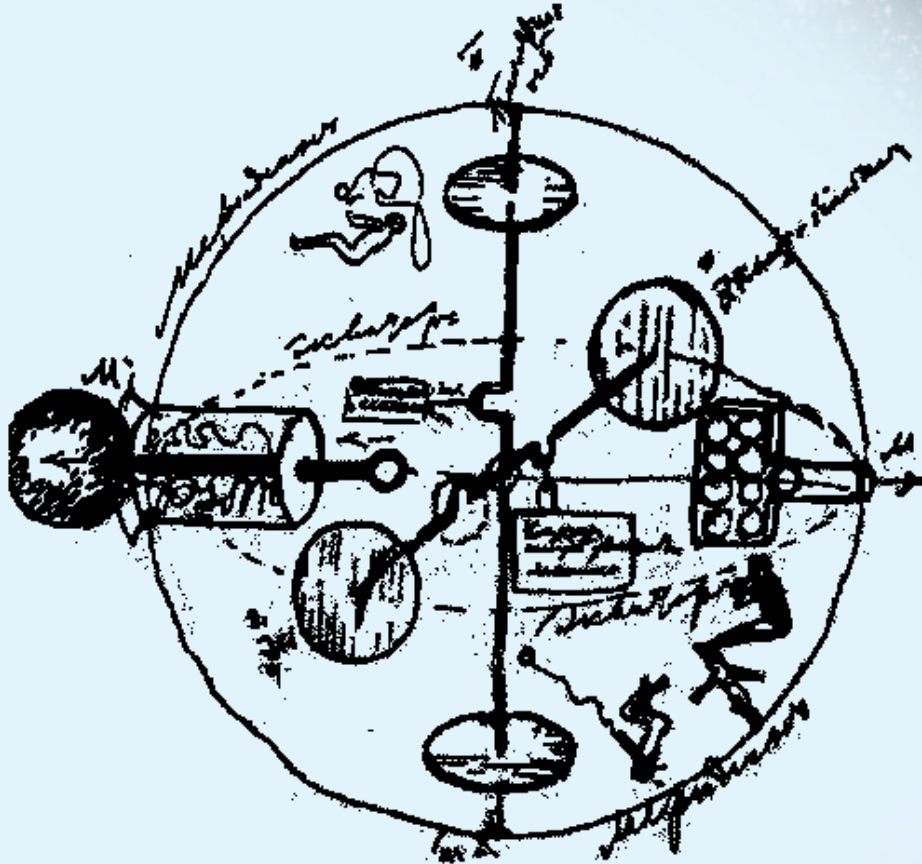
Космос есть добро, совершенство, бессмертие. Однако соответствует ли этим категориям биологический человек XX и XXI веков? Несовершенная и конечная жизнь разумного существа не является неизменным фактором. По убеждению Циолковского, сторонника теории Дарвина, филогенетическое развитие человека разумного, однажды начавшись, не может прекратиться, то есть остановиться на современной стадии — именно потому, что никак не соответствует параметрам космоса. Земные дети Вселенной пока еще находятся в противоречии со своим родителем. И в самом общем виде — жизнь является если не атрибутом, то по крайней мере неизбежным порождением космоса на определенном этапе саморазвития материи. Мысль о продолжении биологической эволюции человечества владела ученым много лет. Первые представления о высокоразвитом разумном существе космоса мы находим еще в повести «Грезы о земле и небе и эффекты всемирного тяготения», впервые изданной самим ученым в 1895 г. Согласно фантазии Циолковского, в поясе астероидов нашей Солнечной системы живут гипотетические обитатели, совершенно не похожие на нас.

«Я был на астероидах и еще меньших планетах и видел там жизнь. О, это чудная страна! Случилось это так. Душа моя, после смерти, блуждая в небесных пространствах со скоростью света, между прочим, попала на один из астероидов; там нашлись мудрые существа, которые сумели одеть меня земной (человеческой) оболочкой, окружили меня всеми заботами, дали мне искусственную атмосферу, замкнутую в шаровом, частью стеклянновидном приборе, в котором были растения с прекрасными, зреющими плодами, превосходно утоляющими голод и жажду. Но этого мало: когда я хотел видеть их жизнь, они плотно закрывали мое тело, без нарушения его форм и свободы движений, особой довольно тонкой оболочкой, предохраняющей его от опасного отсутствия атмосферного давления; они снабжали меня сосудами с кислородом и разными другими аппаратами, имевшими связь с моим телом и заменявшими на некоторое время воздух и питание... Так я выходил из своего жилища и все видел»¹⁹. Братья по разуму поразили литературного героя Циолковского возможностями своих организмов. Для них было безразлично — жить в атмосфере или без нее, так как газы не могли проникать через их кожу, а слой атмосферы только замедлял процесс питания непосредственно солнечными лучами. Общаясь с помощью телепатии, он узнал историю их расселения практически в пустоте космоса. Попав в пояс астероидов с больших планет, они прошли сложный путь биологической трансформации. Логика ученого чрезвычайно проста и убедительна: если водные животные когда-то вышли на сушу, нелетающие превратились в летающих, то живущие в воздухе необходимо обретают способность к жизни в пустоте. Они питались и развивались подобно растениям, действием солнечных лучей, имея для этого красивые изумрудные крылья, содержащие хлорофилл. Лучи солнца преобразовывали углекислую кровь существ в необходимые для питания газы, жидкости и твердые тела — кислород, углеводороды... Красивые крылья оказались одновременно садом, огородом, полем, скотным двором. Огромная сила солнечных лучей, высокий «КПД» хлорофилловых крыльев, автоматические регуляторы самого тела делали процесс жизнедеятельности чрезвычайно эффективным, постоянным и незаметным для жителей космо-

¹⁹ Циолковский К.Э. Грезы о Земле и небе. М., 1959.

са — они вообще не уделяли этому вопросу никакого внимания. Мало того, имея чудесную, но все-таки телесную оболочку, эти существа никогда не болели и не умирали, то есть жили неопределенно долго, не содержа в организмах болезнетворных начал.

Пытаясь разъяснить принцип устройства тела отдельного космического зоофита, Циолковский от его имени провел прямую параллель со всем человечеством как единым организмом. «Представьте себе человечество единым существом, как один из нас, и сделайте сравнение; сходство выйдет поразительное: ваши люди — это клетки одного нашего тела; ваши

инстинкты, ваша любовь и разум — это регуляторы, поддерживающие существование целого и не дающие ему состариться и умереть...»²⁰ Короче говоря, одно тело «туземца» представляло собой в малом виде всю органическую жизнь Земли, но доведенную до совершенного образца, с самоутилизацией отходов, с максимальной пользой для себя и полным отсутствием вреда для космического пространства.

Впоследствии эта тема была продолжена ученым в работе философского плана «Животное космоса». Размышляя о принципах жизни на планетах, ученый пришел к выводу, что химический состав тел животных организмов, их физиология, биологическая организация детерминированы физикой самих планет. Эти параметры должны прежде всего зависеть от агрегатного состояния жизненно важных веществ. На Земле, например, вода в основном находится в жидком состоянии, следовательно, среды человеческого организма

²⁰ Циолковский К.Э. Грёзы о Земле и небе. С. 46.

жидкие. Если где-то вода представляет собой минерал, то в таких условиях жидкими будут совсем другие химические вещества, они-то и составят основу животного организма — углекислота, масло, спирты. Поскольку жизнь, по Циолковскому, есть универсальное проявление космоса, то ее развитие должно соответствовать его основным параметрам. Она не может быть редким, избранным, спорадическим явлением, то есть не может быть изначально и навсегда привязана к планетам. Поэтому, чтобы обнаружить существенные характеристики высокоразвитого и, следовательно, самого распространенного типа жизни во Вселенной, когерентного самой Вселенной, надо обратить внимание на наиболее распространенные физические факторы космоса. Что же это такое, как не энергия бесчисленных звезд-солнц? По образному выражению ученого, нет особенной надобности питаться жалкими остатками небесной энергии на планете, если ее сколько угодно в виде пылающих солнц, а теоретически всякая энергия может поддерживать жизнь, даже энергия движения, вращения планет, сила тяготения.

Одна из главных предпосылок мощного развития интеллекта — размер головного мозга. Механика животного организма показывает, что его размер, как и размер самого животного, обратно пропорционален силе тяжести. То есть по сравнению с Землей жители Меркурия, Марса и Луны имели бы преимущества в интеллектуальном развитии с точки зрения размеров мозга. Рост их был бы вдвое, а величина мозга — в восемь раз больше по сравнению с нашим, а для Луны и того более. И с этой позиции тяжесть вредна, уменьшает умственные силы, ставит границу в развитии мозга. В эфире нет никакого препятствия для развития объема мозга, и его предел будет определяться другими факторами, такими, как сложность внутренней структуры. Впрочем, и на нашей планете есть еще над чем потрудиться. Рано или поздно практически бессмертное ангелоподобное существо разовьется и на планете. «Они может быть появятся и на Земле: естественно или искусственно, когда человек примется за преобразование своего тела. Физиологи знают, какое множество недостатков имеют тела даже высших животных. Все они должны быть устранены путем упражнения, подбора, скрещивания, операций и другими способами»²¹.

Обосновав вред силы тяготения для развития наших умственных способностей, ученый идет еще дальше. А можно ли обойтись без воды и воздуха, атмосферного давления, так ли уж необходимы газообразный кислород и привычная пища? Кислород можно принимать внутрь в виде непрочных соединений в жидком или твердом виде (кислородная котлета или коктейль). Такой организм уже не теряет воды и не страдает без атмосферы. Далее, если основой любого вида питания является солнечная энергия, то мы питаемся чрезвычайно сложно, опосредованным путем, и со временем можно будет выпустить все промежуточные этапы. Таким образом, Циолковский и приходит много лет спустя к своей ранней идее, выраженной еще в научно-фантастической форме — к животному-растительному существу — зоофиту.

Все космисты — ученые, поэты, философы, художники, — пытались тем или иным способом преодолеть узкую земную точку зрения, преодолеть наивный человеческий антропоцентризм, абсолютизовавший все, что создал и наработал человек — представления о планете как бесконечном источнике сырья, представления о себе самом как венце творения, представления о собственном несовершенном и противоречивом духовном мире как единственно возможном и существующем. Философия Циолковского показывает, что все великие проблемы человечества XX века не есть проблемы извечные, от мира данные и предопределенные навсегда; они не согласуются с гармонией космоса. Скучный ручеек наивной молодой, неопытной жизни на планете Земля пока еще не влился в могучую реку мудрости космоса, извечно предопределенной

²¹ Циолковский К.Э. Животное космоса. В кн.: Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. С. 106—107.

ему, проявившей себя в тьме прошедших веков.

Жизнь космоса мудра, совершенна и красива, и именно она определяет подлинное лицо Вселенной. Планета Земля, не более чем песчинка беспредельных мировых пустынь, блуждает в одиночестве этого мира только до тех пор, пока жители ее ведут себя неразумно — борются друг с другом за материальные блага вместо того, чтобы любить ближнего своего и осваивать беспредельные богатства космоса; эксплуатируют друг друга вместо того, чтобы развивать технику и использовать ее силу для борьбы с природой; жалуются на жизнь и судьбу вместо того, чтобы освоить мудрость, благо, бессмертие, которое несет нам космос.

Нематериальная Причина космоса порождает все — материю и ее атрибуты — пространство и время, структурирует Вселенную, устройство и законы которой человек стремится познать. Вселенная безгранична в пространстве и времени для ее обитателей, для причины же, которая ее породила, она есть лишь одно из изделий. «Мы повторяем: мир сотворен. Все космические бесконечности — только составные части изделия, которые желательно было создать причине. Но каково же ее могущество, если Вселенная только одна из вещей причины... Причина несоизмерима со своим творением, так как создает вещество и энергию, чего космос сам не в силах сделать. Для нее ограничено то, что даже для высочайшего человеческого ума безначально и бесконечно. Космос для нее определенная вещь, одно из множества изделий причины... Причина должна быть всемогуща по отношению к созданным ею предметам, например, к космосу... Ее доброта, счастье, мудрость и могущество бесконечны по отношению к тем же свойствам космоса»²².

Так в учении мыслителя преодолеваются все антиномии: бесконечность космоса — и конечность человека, бессмертие Вселенной, которая вечно кипит новой жизнью, — и короткая человеческая жизнь, совершенная гармония множественности миров — и раздробленность на государственные квартиры единой планеты Земля.

²² Циолковский К.Э. Причина космоса. В кн.: Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. С. 36—38.

Человечество не ограничено
только на земле, но, вы
ходя за пределы и
пространства, сможет
добыть что-то за
пределами атмосферы,
и затем использовать
себя во всем космическом
пространстве

К. Циолковский